

*Родная и любимая земля!
Как все знакомо
здесь и как все
сердцу мило!*

Л. Булыгин

Сборник

краеведческих работ по итогам

XX Булыгинских

литературно-краеведческих чтений

«Да будет Время с нами вечно!»

*г. Гороховец
2023 г.*

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П.Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

«Да будет Время с нами вечно!»

Сборник краеведческих работ по итогам
XX Булыгинских
литературно-краеведческих чтений

г. Гороховец
2023 г.

~ 2 ~

«Да будет Время с нами вечно!» Сборник краеведческих работ по итогам XX Булыгинских литературно-краеведческих чтений. / МБУК «Современный культурный центр им. П.П. Булыгина» Гороховецкого р-на Владимирской обл. - Гороховец, 2023 - 72 с.

В основу данного сборника легли краеведческие материалы XX Булыгинских литературно-краеведческих чтений «Да будет Время с нами вечно!», прошедших в г. Гороховец в феврале 2023 г. Издание предназначено для всех интересующихся историей древней Владимирской земли, в частности, г. Гороховца и Гороховецкого района.

На обложке: Павел Петрович Булыгин (1896 – 1936).

*Редактор: Бусько Л.В.
Компьютерная верстка: Осипова В.А.*

Содержание

<i>Анкудинов А.И., «Обожаемый Государь Император». Фигура Александра II в истории Гороховца.</i>	4
<i>Барашков В.В. Уроженцы Гороховецкого уезда - Георгиевские кавалеры русско-турецкой войны 1977-1978 гг.</i>	13
<i>Крылова Н.Л. «Любовь Агаты и Павлуши была прекрасна, как греческая трагедия»</i>	18
<i>Лебедева Е.В. Никифоров В.И. – кадровый военный, писатель и краевед</i>	30
<i>Модестов Н.С. История семьи Булыгиных. Родное Михайловское.</i>	43
<i>Панжукова П.А. История семьи. Беневоленские – по Божьей Воле</i>	53
<i>Ушаков В.Н. «Присоединение к православию...» Кнут и пряник.</i>	65

«Обожаемый Государь Император». Фигура Александра II в истории Гороховца XIX века

*Анкудинов Антон Игоревич,
г. Гороховец*

В дореволюционной России в честь знаменательных либо трагических событий или в память о человеке строили часовни. Монумент или скульптура были редкими явлениями, а главное дорогостоящими. Часовня и была своего рода памятником. Первый такой памятник появился в Гороховце в 1888 году и был посвящен императору Александру II. Почему он был так любим и почитаем гороховчанами, и как царь-освободитель связан с Гороховцом?

Путешествие по России

В 1837 году российский император Николай I организовал для 29-летнего наследника престола Александра Николаевича путешествие по империи. При этом велел никаких пышных приемов в городах не устраивать. Владимирское дворянство все же рискнуло организовать бал и заранее отправить приглашение цесаревичу. Определили состав делегации во главе с Гороховецким уездным предводителем дворянства Павлом Сергеевичем Кожиным, которому представилась честь лично вручить письмо-приглашение генерал-адъютанту Кавелину, состоящему при цесаревиче.

Генерал письменно ответил, что наследник престола соизволит прибыть во Владимир во время Успенского поста, поэтому предполагаемого бала Его Высочество принять не может. П.С.Кожин передал ответ Владимирскому предводителю дворянства, и было решено бал не устраивать. Вместо этого на установленную дату во Владимир вызывались все уездные предводители дворянства для представления государю цесаревичу.

9 августа 1837 года цесаревич Александр Николаевич прибыл во Владимир, а 10-го числа принял 50 особ из дворянства, в их числе был и гороховчанин Павел Сергеевич Кожин.

В тот же день во Владимире была открыта первая в губернии выставка предметов сельского хозяйства, промыслов и промышленности. Она состояла из нескольких отделов, и Гороховец был представлен достаточно скромно:

- льняные нитки, изготовленные жителями города Гороховца и его уезда;

- в отделе животных были представлены стерляди из Гороховецкого уезда;

- выделанные крестьянами вотчины графини Пашковой шерстяные фуфайки, чулки и варежки.

Самый значительный отдел выставки назывался «Фабричная промышленность», но Гороховец, конечно же, не был представлен по причине полного отсутствия производства.

«Марафет» к приезду цесаревича

Не смотря на запрет пускать пыль в глаза цесаревича, во Владимирской губернии началась скрытая подготовка к его приезду – приведение городов в порядок. Александра Николаевича ожидали в августе, а в июне в Гороховце снова вспомнили о городской площади, которую уже полвека не могли привести в соответствие с планом, утвержденным еще в 1778 году.

Эта история достойна внимания писателя М.Е.Салтыкова-Щедрина, поскольку по содержанию напоминает обстановку в городе Глупове из сатирического романа «История одного города» о чиновничьем слабоумии.

6 июня 1837 г. гороховецкий городничий Зубов докладывал губернатору о том, что в городе уже почти открыта по утвержденному плану площадь возле упраздненного Сретенского монастыря. Она вся была занята огородами и ветхими строениями, которые были убраны. Осталось лишь выровнять ее поверхность. Для этого городничий обращался к начальнику гороховецкой инвалидной команды с просьбой предоставить для выполнения работ арестантов, содержащихся в городской тюрьме. Но тот ответил, что посылать арестантов на подобные работы воспрещено предписанием командующего Владимирским батальоном. Тогда городни-

чий и обратился к губернатору, чтобы привлечь арестованных на работы по выпланированию площадей и улиц.

Ответ Губернатора поступил через 2 недели: участие арестантов в подобных работах невозможно. Глава губернии возложил обязанность устроить площадь к 1 августа на гороховецкую городскую думу.

30 августа 1837 г. городской голова Балувев написал ответ губернатору и пролил свет на реальную ситуацию, происходящую на площади. Оказалось, что лихой городничий поторопился обозначить открытие площади. Здесь были вовсе не огороды, как он доложил губернатору, а яблоневые сады, который тот порубил все-таки с помощью содержащихся в тюрьме арестантов и без всякого согласования с городской думой. А вместо ветхих строений на будущей площади стоят жилые деревянные дома. К тому же очищенное от садов место находится вовсе не на площади, а в отдаленности от нее.

Городской голова пояснил, что Гороховец немногочисленный город, и потому большой торговли в нем не производится. Имеющейся площади вполне достаточно, все торговцы и товары на ней помещаются без стеснения. В открытом пространстве, появившемся благодаря городничему, нет никакой надобности. Градоначальник просил отменить дальнейшее расширение площади и отклонить напрасного на нее расхода средств из городского дохода. Губернатор согласился с представителем городской думы и велел оставить площадь в существующем положении.

Наследник престола в Гороховце

11 августа в 4:30 утра цесаревич выехал из Владимира, посетив по пути Боголюбово, Ковров и Вязники, уже вечером прибыл в Гороховец. При этом весь день непрерывно шел дождь, и это осложняло не только знакомство с городами, но и путь по размытой дороге. Как и в других городах, Его Величество встречали и представлялись депутации от уездного дворянства, городской думы и магистрата, духовенство и др. Доподлинно известно, что наследник престола посетил соборную церковь – Благовещенский собор. Спустя несколько

десятилетий в память об этом событии в интерьерах храма появилась надпись над северными воротами:

«1837 года, 11 августа, Его Императорское Высочество наследник Всероссийского престола ныне царствующий Государь Император Александр Николаевич изволил удостоить Сей Собор Своим Августейшим посещением».

Впрочем, пробыл Александр Николаевич в городе совсем недолго, уже в сумерках, в 11 часов вечера, он достиг границ Нижегородской губернии, а в 2 часа ночи находился в Н.Новгороде.

По окончанию путешествия цесаревича, в том же 1837 году, вышла небольшая книга «Указания важнейших примечательностей на пути его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». Здесь вкратце описан весь путь Александра Николаевича, и вот что говорится о гороховецких местах:

«Здесь в каждой деревне, все от мала до велика, заняты вязанием варежек и валенок; сей промысел, доставляя довольство жителям, сохраняет добрую нравственность: покорность властям, точное исполнение всех общественных повинностей и миролюбие в крестьянском быту; здесь никогда нет недоимков.

Гороховец значился в числе городов еще в начале XIII века... Ныне Гороховец – город неважный ни по промыслам и торговле, ни по людности и богатству жителей. Положение на р.Клязьме доставляет ему некоторые выгоды от судоходства и от рыболовства».

Такой нелестный, но честный отзыв чиновников, посетивших Гороховец, не помешал искренней любви к государю местных жителей, в памяти которых навсегда отложился визит в город гостя столь высокого статуса – представителя императорского дома. Впоследствии, став императором, Александр Николаевич, видимо, казался ближе местному сообществу, ведь его вживую видел наверняка каждый гороховчанин.

Прошение Его Величеству

Как и в нынешние времена, проезд в город высокопоставленных особ не обошелся без просьб, жалоб и предложений от местных жителей.

Именно в эти годы происходило проектирование и начало строительства шоссе Москва – Н.Новгород, а точнее его благоустройство. Дорога проходила через Красное село, и Гороховец оставался в стороне, за горой и оврагом, неудобными для проезда особенно в осеннее и весеннее время. Гороховчане передали прошение об устройстве дополнительного участка дороги от Красного села к Гороховцу Его Высочеству.

В 1837 году цесаревич посетил 30 губерний и больше 200-т городов, велика ли была вероятность, что обращению гороховчан будет уделено какое-то внимание. Но всё же Александр Николаевич и его свита обещания выполнили, уже в 1838 году был составлен проект и представлен на утверждение. Но так как Нижегородское шоссе в этом году еще только строилось, то исполнение было отложено до 1844 года. К этому времени российский чиновничий аппарат, видимо, уже позабыл, что процесс закрутился с легкой руки самого цесаревича. Выяснились такие обстоятельства, что сооружение дороги от Красного села до Гороховца включало в себя не только устройство мостовой шириной 5,3 м, но еще строительство моста через р.Могиленку и трубы через овраг. На эти мероприятия требовались большие затраты – 5 тыс. руб. В итоге данная инициатива ассигнования не получила.

Покушение на императора

Во время правления Александра II были проведены широкомасштабные реформы, в том числе отменено крепостное право, за что императора называли Освободителем. Вместе с тем эпоха характеризовалась ростом общественного недовольства. На жизнь императора совершались покушения, первое из которых случилось 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов пытался выстрелить в императора в Летнем саду. Все могло бы окончиться для императора фатально, если бы не оказавшийся рядом шапочных дел мастер Осип Комисса-

ров, который ударил Каракозова по руке, в результате чего пуля пролетела мимо цели.

Весть о покушении и спасении императора вмиг разлетелась сначала по Петербургу, а затем по всей России. Во всех храмах, от сельских до соборных, совершались молебны. Жители Гороховца также не остались равнодушны, 8 апреля 1866 года в столицу была отправлена телеграмма:

«Министру внутренних дел.

Жители г. Гороховца, известясь о чудном избавлении обожаемого Государя Императора от угрожавшей Ему опасности, собрались в соборную церковь для принесения Господу Богу благодарственного молебствия и вместе покорнейше просят Вас принести от нас поздравление Государю Императору.

Уездный предводитель дворянства Александр Николаевич Денисов, городской голова Егор Егорович Шумилов и за исправника – помощник Агакас».

Из Владимирской губернии телеграммы в адрес Министерства внутренних дел поступили также от вязниковского почетного гражданина Ивана Куликова, от ковровского уездного земства, и, конечно, из губернского города Владимира было несколько отправителей: губернатор, дворянское собрание и городское общество.

Следует отметить, что Гороховец в эти годы во Владимирской губернии был одним из самых отсталых городов в социально-экономическом и общественном плане, местные жители редко замечались в проявлении каких-либо инициатив. Видимо, гороховчане вестью о покушении на императора, которого они видели воочию, действительно были сильно впечатлены.

В перечне имущества уездной земской управы за 1869 год числился даже портрет Осипа Ивановича Комиссарова-Костромского, того самого крестьянина из Костромской губернии, которого за спасение жизни государя удостоили в столице разных наград и дворянского звания. И портрет этот находился в зале заседания уездного земского собрания рядом с портретом самого государя императора в металлической позолоченной раме за стеклом.

Часовня Александра Невского

Покушения на императора продолжались. Седьмое по счету нападение достигло своей цели. 1 марта 1881 года Александр II был убит представителями организации «Народная воля» в Санкт-Петербурге на Набережной Екатерининского канала с помощью самодельных метательных снарядов.

Гороховчане, как и вся Россия, были глубоко опечалены этой новостью, и вскоре появилось предложение построить в городе часовню в память «императора Александра Николаевича, который, будучи наследником престола, посетил Благовещенский собор».

Когда встал вопрос о месте возведения, решено было снести ветхую деревянную часовню на центральной Базарной площади, возле Благовещенского собора. Отмечалось, что часовня настолько старая, что уже никто в городе не помнит, по какому поводу она здесь появилась, и значительная ее часть выросла в землю.

В 1883 году Гороховецкая городская управа попросила составить проект каменной часовни владимирского епархиального архитектора Николая Дмитриевича Корицкого (1854-1915). Спустя год проект был прислан в Гороховец на утверждение, рассматривался на заседании городской думы 19 сентября 1884 г., был раскритикован и отклонен:

«...Управа просила владимирского епархиального архитектора г.Корицкого составить проект фасада на часовню с одним куполом, главой и крестом, а он сделал о пяти главах. Затем управа 18 ноября просила Корицкого сделать проект на часовню – в основании в длину и ширину по 6 аршин, а толщину стен в 10,5 вершков, что равняется двум кирпичам, в виду того, что здание одноэтажное и небольшое, а г.Корицкий сделал длину и ширину по 10,5 аршин, толщину стен в 1,5 аршина, что равняется 4,5 кирпича. Высота всей часовни до креста показана 7 сажен и 1,5 аршина, а с крестом 8 сажен и 0,5 аршина (17,36 м).

Постройка каменной часовни, показанной в проекте г.Корицкого размеров и толщины стен, по рассмотрению Управы будет стоить до 4300 рублей серебром, а в распоря-

жении Управы на постройку часовни в настоящее время имеется наличными деньгами только 447 рублей 65 копеек и материалами на 112 рублей, а всего до 559 рублей 65 копеек.

Городская Управа просила г.Корицкого составить проект часовни в том размере, как сложена была старая полуразвалившаяся часовня, на месте которой предполагается построить новую. Составленный г.Корицким проект часовни не был прислан на предварительное рассмотрение в Городскую Управу. Поэтому Дума не считает себя обязанною подчиниться проекту г.Корицкого, как неудобному и несообразному с средствами города, а потому ПОСТАНОВИЛА: поручить Управе просить г.Корицкого составить новый проект часовни размером в основании по 6 аршин с одним куполом, одной главой и крестом, без крытых окон в куполе, а толщину стен показать в 10,5 вершков. При том высказать желание, сделать проект на восьмигранную часовню».

Через год новая городская дума получила новый проект, доставленный из Владимирской консистории и уже утвержденный инженерами строительного отделения губернского правления. 5 ноября 1885 г. проект был одобрен, но на строительство было необходимо 882,5 руб. Поэтому дума поручила городской управе изыскать недостающую сумму.

По инициативе Гороховецкого городского управления долгое время собирались средства и пожертвования, и в 1887 году началось строительство. Кирпичная часовня с типичной архитектурой того времени построена к январю 1888 года, но городская дума решила назначить освещение часовни на 1 марта, в дату гибели императора. Городским духовенством она была торжественно освещена, внутри поставлена «в украшенном резьбой киоте написанная во весь рост икона святого благоверного великого князя Александра Невского» высотой 164,4 см. Ежегодно в ней совершались панихиды в день мученической кончины Александра II, то есть 1 марта.

Подобные часовни-памятники Александру II были установлены во многих городах и селах России и за рубежом, немногие из них сохранились до наших дней, как в Гороховце.

Источники и литература:

1. Владимирские епархиальные ведомости. 1888. №9 (Неоф. ч.).
2. Дело об открытии в г.Гороховце по конформированному плану площади. 1837 г. // ГАВО. Ф.14. Оп.2. Д.137. Лл.1-5.
3. Журналы Гороховецкого уездного земского собрания 1869 года. Владимир, 1869. С.145.
4. Постановления Гороховецкой городской думы за 1884 г. // ГАВО. Ф.14. Оп.3. Д.5687. Л.65, 65об.,66.
5. Постановления Гороховецкой городской думы за 1885 г. // ГАВО. Ф.14. Оп.3. Д.5940. Л.64об.-65.
6. Постановления Гороховецкой городской думы за 1888 г. // ГАВО. Ф.14. Оп.4. Д.115. Л.6 об.
7. Ранг М.М. Историко-статистический очерк Московско-Нижегородского шоссе от Москвы до Нижнего Новгорода // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Выпуск VIII. Владимир, 1869. С.100-142.
8. Стромиллов Н.С. Путешествие Государя Императора наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году по Владимирской губернии. Владимир, 1887. 42 с.
9. Указания важнейших примечательностей на пути его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. СПб, 1837. 160 с.
10. Церковно-приходская летопись Благовещенского собора в городе Гороховце. Вторая половина XIX – начало XX века. // ГАВО. Ф 556. Оп.1. Д.2614.
11. 4-е апреля 1866 года. Полный сборник известий, адресов, телеграмм и стихотворений, по случаю чудесного спасения жизни Государя Императора Александра II. СПб, 1866. 244 с.

Уроженцы Гороховецкого уезда – Георгиевские кавалеры русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

*Барашков Владимир Викторович,
г. Москва*

Высочайшим манифестом 13 февраля 1807 г. императором Александром I был учрежден для награждения солдат за подвиги храбрости «Знак отличия военного ордена». Им награждались за мужество в бою наиболее отличившиеся рядовые и унтер-офицеры. Первым кавалером знака стал унтер-офицер лейб-гвардии кавалергардского полка Егор Митрохин. Внешний вид этого знака повторял крест ордена Святого Георгия и имел одну степень, лента тоже была георгиевской. В солдатской среде знак сразу же приобрел столь же высокий статус, как в офицерской среде – орден Святого Георгия. В обиходе его начали называть «солдатским Георгием» или «Георгиевским крестом», а награжденные именовались Георгиевскими кавалерами¹. Как и орден Святого Георгия, Знак отличия военного ордена (далее – ЗОВО) носился на форме всегда и во всех обстоятельствах. В 1856 г. статус ЗОВО был изменен. Теперь он подразделялся на четыре степени. Две первые изготовлялись из золота, третья и четвертая – из серебра. Все степени носились на левой стороне груди. Следующее изменение статуса произошло 10 августа 1913 года: с этого времени он назывался Георгиевским крестом.

Четверо уроженцев Гороховецкого уезда – Георгиевские кавалеры – служили в элитных гвардейских воинских частях. Трое служили в лейб-гвардии, один в Гренадерском полку. Ваганов Василий Прокофьевич был призван на службу 4 ноября 1874 г., где 24 января 1875 г. был зачислен рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк. Этот полк являлся самым первым полком лейб-гвардии, старшинство которого с 25 мая 1683 г. Полк берет свое начало с «потешного

¹ Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. 2-е издание. М.: Молодая гвардия, 2014. (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 486.

полка», «который в селе Преображенском организовал для военных игр молодой царевич Пётр I из сверстников своих детей боярских и царедворцев»¹. В дальнейшем под руководством императора Петра I он участвовал во многих военных сражениях. Шефом полка с 19 февраля 1855 г. по 1 марта 1881 г. являлся император Александр II. Во время русско-турецкой войны полк 28 августа 1877 года выступил из Санкт-Петербурга в поход за Дунай в Турцию. 12 октября при взятии укрепленной позиции у Горного Дубняка находился в резерве, 11-12 ноября занял с боя Искерское ущелье и вошел в Этрополь, 13-18 декабря после почти непрерывного боя в горах перешел Балканы у Негошева, 19 декабря отличился в сражении при дер. Ташкисен, 23 декабря вступил в Софию. 3, 4 и 5 января 1878 г. участвовал в сражении под г. Филиппополем, где Василий за храбрость и самоотверженность в бою был награждён ЗОВО 4-й степени № 66332². После заключения мирного договора между Россией и Турцией полк вернулся в Санкт-Петербург. За отличие Высочайшим указом полку были пожалованы знаки на головные уборы с надписью «за Ташкисен 19 декабря 1877 г.». Ваганов, как и другие солдаты полка, участвовавшие в военных действиях, имел светло-бронзовую медаль в память войны 1877-1878 гг. и Румынский железный крест. 11 ноября 1879 г. Василий был уволен в запас и вернулся на родину в деревню Омлево Красносельской волости Гороховецкого уезда.

Рыбаков Ефим Иванович родился 6 апреля 1852 г. и был призван на службу 29 ноября 1874 г., где 30 декабря зачислен рядовым в лейб-гвардии Финляндский полк. Старшинство полка с 12 декабря 1806 г. За отличную службу в войне с французами в 1807 г. причислен к гвардии. Шефом полка с 25 июня 1831 г. по 18 января 1892 г. являлся Великий князь Константин Николаевич Романов. Во время русско-турецкой войны полк 16 августа 1877 г. выступил в поход в Турцию, где 12 октября участвовал в сражении при взятии

¹ Императорская Гвардия. Издание 2-е. 1910. С. 51.

² РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2583, оп. 2, д. 241, с. 108 об.

укрепленной позиции между Телишем и Горным Дубняком. 13-28 декабря перешёл Балканы через Вакарельский перевал. 3 января перешел вброд вблизи г. Филиппополя реку Марицу, несмотря на ледоход и под выстрелами неприятеля. 4 января занял с боя Карагач. С 3 по 5 января в сражении на Финляндской горе Ефим Иванович за отличие в бою был награждён ЗОВО 4-й степени № 66862¹. За отличие Высочайшим указом полку были пожалованы знаки на головные уборы с надписью «За Филиппополь 5 января 1878 г.». В сентябре 1879 г. уже в мирное время Ефим за отличную стрельбу в полковых состязаниях был награжден металлическим знаком. В запас был уволен в ноябре этого же года и вернулся на родину в деревню Чуркино Нижнеландеховской волости Гороховецкого уезда.

Елёв Алексей Дементьевич из крестьян собственников Гороховецкого уезда Гришинской волости сельца Просье на момент призыва в армию был женат и проживал в г. Санкт-Петербурге. Призван был 16 января 1873 г. 27-летним и зачислен в лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества батальон 13 августа этого же года. Старшинство батальона с 27 марта 1856 года. Шефом батальона с основания по 1 марта 1881 г. являлся император Александр II. Елёв вместе с батальоном находился в походах в русско-турецкую войну с 14 августа 1877 по 19 сентября 1878 г. Был в делах 12 октября под Горным Дубняком, 11 ноября под Правцем, 21 ноября под Араб-Копакком. За мужество и храбрость, оказанные им в делах с турками под Ташкисеном и Враждебной 19, 21 декабря, Филиппополем 3, 4 и 5 января, и переход через Балканы награжден ЗОВО 4-й степени № 67817². За отличие в войну Высочайшим указом полку пожалованы знаки на головные уборы с надписью: «За Правец 10 и 11 ноября и за Филиппополь 3, 4 и 5 января 1878 г.». В ноябре 1879 года уже 32-летним был уволен в запас и вернулся к жене Анне Ефимовне и детям Степану (12 лет), Ивану (11 лет) и дочери Анастасии (1 год) в Царское село, где они проживали.

¹ Там же. Ф. 2586., оп. 2, д. 667, с. 29 об.

² Там же. Ф. 2587, оп. 2, д. 148, с. 103 об.

Арсентьев Андриян Яковлевич во время русско-турецкой войны проходил службу в 10-м гренадерском Малороссийском генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полку, где за время службы за отличие был произведен в фельдфебели. Старшинство полка с 30 марта 1756 года. Во время войны в 1877 году он входил в состав Гвардейского корпуса, который состоял из 8 полков и двух гренадерских артиллерийских бригад и участвовал при взятии Плевны в ноябре 1877 г. Ранее три штурма Плевны русскими и румынскими войсками были отбиты турецким гарнизоном. Чтобы избежать ненужного кровопролития, командование решило отказаться от последующих штурмов и взять город осадой. Чтобы окончательно заблокировать Плевну, оно ввело в боевые действия Гренадерский корпус, так как его дивизии состояли из прекрасно обученных и подготовленных к осадным боям воинов.

Нужно сказать и о том, кто такие гренадеры. На Руси с петровских времен слово «гренадер» означало сильного человека высокого роста и могучего здоровья. Обмундирование гренадер несколько отличалось от обмундирования представителей других родов и видов войск. В него входили, кроме вооружения строевого солдата, «особая шапка-гренадерка с медной кокардой, на которой помещался полковой герб, сумка для ношения гранат и небольшая сумочка-лядунка для запалов. На кокарде, пуговицах, лядунке и пряжке изображалась горящая круглая граната»¹.

Командовал корпусом опытный военачальник генерал-лейтенант Ганецкий. В приказе по Гренадерскому корпусу от 17 августа 1877 г. генерал писал: «Вполне уверен, что вы покажете себя в предстоящих боях такими молодцами, перед которыми нет непобедимого врага, и заставите греметь славное имя гренадер подвигами мужества и храбрости»². Чудеса храбрости и мужества показывали гренадеры корпуса в кро-

¹ Правиков Р.И. Краткая история 10-го Гренадерского Малороссийского генерал-фельдмаршала графа Румянцева Задунайского полка. Моршанск: Тип. П. К. Геллер, 1889. С. 6.

² Аникин В.В. Памятник гренадерам, павшим под Плевною. М.: Московский рабочий, 1986. С. 20.

вопролитном сражении. Битва под Плевной 28 ноября 1877 года завершилась пленением 43-тысячной армии. Турки потеряли в бою около 6 тысяч убитыми, русские 1700 человек. Из этого числа 18 офицеров и 542 солдата Гренадерского корпуса отдали жизнь за свободу болгар. За это сражение фельдфебель Арсентьев был награжден ЗОВО 4-й степени № 51406¹. За сражение под Плевной полку были пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За разбитие и пленение 40000 турецкой армии Османа-Паши 28 ноября 1877 г. под Плевною». После увольнения в запас Арсентьев приехал на родину в село Кромы Гороховецкого уезда.

Следует отметить, что 28 ноября 1887 г., в день десятилетия со дня победы гренадер под Плевной, в Москве в Лубяном сквере был открыт памятник, на северной грани которого есть золоченая надпись: «Гренадеры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной 28 ноября 1877 г.». На семи бронзовых досках вырезаны имена офицеров и нижних чинов, убитых в сражениях под Плевной и умерших от ран, полученных в этом сражении. На одной из досок 10-й Малороссийский полк: 3 офицера и 138 нижних чинов. Этот памятник напоминает нам о подвиге русского солдата, пролившего кровь за братьев славян. Патриотизм всегда был характерной чертой подданных Российской империи, и наш долг не забывать об этом. Отношение к воинскому долгу и любовь к отчизне наших героических предков должны служить примером для настоящего поколения.

¹ РГВИА. Ф. 400, оп. 12, д. 5835, с. 172.

«Любовь Агаты и Павлуши была прекрасна, как греческая трагедия»

*Крылова Наталия Леонидовна
г. Москва*

(Из письма Жени Лембке
к Нюре от 10 июня 1965 г.).

Агата Титовна Фенвик-Булыгина (1897 – 1977) – урожденная Шишко – жена Лейб-гвардии Ее Императорского Величества Петроградского полка капитана

Агата Титовна Булыгина

Павла Петровича Булыгина – офицера, поэта, эссеиста, журналиста, эмигрировавшего из России в 1920-ом году. История жизни и скитаний этого человека, вышедшие из-под его пера литературные произведения, – еще одно замечательное открытие в череде забытых имен русской эмиграции «первой волны». Но вот что удивительно: почти все периоды его жизни, его перемещения подтверждаются документально или датированы через его публикации. А вот абиссинский фрагмент жизни,

который предположительно приходится на конец 1924 года, как бы выпадает из фиксированных хроник, и обнаружить хоть какие-нибудь официальные документы о пребывании Павла Петровича в Абиссинии пока не удалось. А «спасла» историю этого периода его жена: почти все, что известно о жизни Булыгина в Абиссинии в эти девять с небольшим лет, собрано в письмах-воспоминаниях Агаты и польской кузины Евгении Лембке, некрологов и из его произведений.

К сожалению, информация об этой женщине довольно скупа. Агата Титовна Булыгина, урожденная Агата Генриетта

Луиза Шишко, дочь полковника Тита Шишко, сестра приятеля юности Павла Булыгина, художника-реставратора Раймунда Федора Шишко, сама о себе писала мало, в основном старалась рассказать сестрам мужа о его жизни в эмиграции. В то же время из ее писем из-за границы и архивных материалов возникает образ хорошо образованной женщины, художницы, владевшей шестью европейскими языками, не чуждой литературных интересов и обладавшей к тому же несомненным литературным талантом.

Архив содержит 42 письма Агаты Титовны Булыгиной к подругам, сестрам и коллегам мужа, написанных в период с 1958 по 1974 годы, а также 50 писем подруги Агаты, Евгении (Жени) Лембке, в которых она, со слов Агаты Титовны, рассказывает сестрам о жизни той с Павлом Петровичем Булыгиным.

Несомненно одно: это был необычный, можно сказать, странный эпистоляр: письма эти, ставшие настоящей потребностью ее души, адресовались подруге детства и двум женщинам, которых Агата никогда не встречала, знала о них лишь со слов и по воспоминаниям мужа и, будучи после смерти очень одинокой (несмотря на новый брак), искренне привязалась к сестрам покойного супруга. Возможно, эта своеобразная переписка состоялась в силу стечения обстоятельств, когда, с одной стороны, моральные страдания Агаты Титовны достигли своего апогея, когда исповедь сделалась жизненно необходимой; с другой - появилась перспектива сочувственного внимания близких, ставшая бесконечно важной частью ее бытия. Письма Агаты - бесценное повествование о жизни, страданиях и светлой любви двух русских изгнанников, сумевших крепко привязаться к приютившей их Африке, неопровержимое

Павел Петрович Булыгина

документальное свидетельство подлинности чувств этой женщины, когда «пером водило ее сердце», а правда, простота и естественность становились «главными их приметами»¹.

В свою очередь, сестры Лембке начали переписываться с сестрами Булыгинными с конца 50-х годов (с наступлением «хрущевской оттепели») и пересылали им письма вдовы Павла Агаты Фенвик-Циглер из США. Горькой особенностью этих эпистолярных хроник является и то, что Агата Титовна пишет письма-воспоминания более чем тридцатилетней давности. Но от этой эпистолярной ретроспекции картины их африканского бытия не тускнеют, не теряют своих красок, скорее, наоборот, водоворот времени как бы шлифует портрет любимого и любящего человека в экзотическом африканском интерьере. Перед нами предстает совершенно новый образ человека, чьи дела и стихи выдают в нем не только мужественного героя и талантливое сочинителя. В формате ее воспоминаний вычленяется совершенно новая – скрытая от посторонних – его грань: это бесконечно добрый, сердечный человек, любящий детей и животных, нежно привязанный к семье, искренне страдающий без ее тепла. Для самой же Агаты Титовны эти письма – спасение от одиночества женщины, все по существу потерявшей с уходом единственно любимого в ее жизни человека. «А главное – воскрешает мои годы жизни с Павлушей моим. Порой кажется, что это было вчера – и трудное, и бесконечно светлое – чем и живу вот столько уже лет. И, в сущности, мне ничего иного и не нужно было все эти годы, и сейчас не нужно». (Из письма к Агаты к Нюре от 20 декабря 1968 г.)²

В письмах Агаты Титовны находим множество штрихов к портрету мужа, его характеристике и их отношениям. По ее словам, «был он горячий, честный, прямой, вспыльчивый как порох, скоро отходящий и бесконечно добрый. Был верующий и любил семейные традиции, которые были почти те же, что и в нашей семье. Понимание друг друга

¹ Correspondance littéraire, philosophique et critique. P., 1881. Т. 15. P. 129-130.

² Стилистика, орфография и пунктуация писем не менялись.

давалось легко. Мы никогда не ссорились. Я никогда не слышала от него ни одного грубого слова. Иногда «дулись» друг на друга, но это проходило через час-два». (Из письма Агаты к Нюре от 22 октября 1965 г.).

«Он был огромный – в толпе всегда на голову выше всех. Иногда среди друзей и близких смешливо спрашивал: «А что у вас там, внизу, холодно?». Был видный, статный, особенный, женщины увлекались им одним только его видом. Он был сдержанным, со всеми одинаково вежливый и ласковый. И только на меня смотрел – в обществе, на приемах в Посольствах и т.д. – своим «орлиным» взглядом. Мне было всегда смешно и ласково, т.к. его взгляд говорил: «Все ли в порядке, были ли они (или он) вежливы с тобой?!... Иногда урывал момент, подходил ко мне и тихо спрашивал: «Что он тебе говорил? Вел себя прилично?.. Потом, дома, мы часто с Павлушей смеялись над тем или другим выпадом его т.к. и он знал, что люблю и ничего не было и не могло быть». (Из письма Агаты к Нюре от 6 октября 1965 г.).

В Абиссинию Павел Булыгин перебрался из Франции во второй половине 1924 года. У Агаты Титовны есть целый цикл воспоминаний, связанных с их абиссинской повседневностью, с людьми и животными, которые скрашивали их жизнь в Африке. Воспоминания эти трогательны и чудесно воспроизводят местную атмосферу. Сама она называет эти воспоминания, «полными солнечного света, смеха, запаха цветов, ветра с гор, тепла нашего скромного домика, нашей Африки, которую так любил Павлуша». (Из письма Агаты к Нюре от 15 сентября 1972 г.).

«Вспоминаю, как он огромный, ловкий носился по лужайке, играя с маленькой (4 года было ей) дочкой хозяйки в серсо. Помню, как, получив из-за границы деньги за свои статьи, спросил меня: «Что хочешь к Пасхе? Я хотел бы для тебя кольцо с бриллиантом...». Я попросила: «... ради Бога, никаких бриллиантов, хочу что-нибудь живое...». Подарил мне огромную абиссинскую корзину и в ней выводок пушистых черных утят, со своим стихотворением, которое кончалось так: «...но уток не жарить – это «табу» ... ». Пропало

это стихотворение в бомбежке со многими другими¹. Уток этих держали не для еды, конечно. Павлуша с помощью слуги выкопал для них прудок и сам устроил из бамбука «водяные трубы», чтоб у них была всегда свежая вода. Радовался сам очень, походил на мальчика. Вообще, в нем было много юной нежности и к людям, и к животным». (Из письма Агаты к Нюре от 7 июля 1970 г.)

«Дети льнули к нему и обожали его. Он был вспыльчивый, горячий, но отходил моментально и был бесконечно добрый... В Африке он очень увлекался бриджем (карты), у очень хороших друзей играл три раза в неделю. Я тоже шла к ним и сидела с хозяйкой дома и ее детьми в большом зале, и часто, когда Павлуша бывал «выходящим», он сидел с нами, и девочки (их было три) лезли на его колени и просили: «Скоро, скоро сказку». И он в какие-нибудь 5-10 минут выдумывал для них сказки (о) котках, сверчках, о лунном луче, о ромашках в саду и т.д. Для них и для меня... Многое из этого у меня записано. А когда шли домой, впереди шел слуга с фонарем и наш белый сибирский кот Васька, мурлыча и ругаясь, что долго засиделись в гостях... И Павлуша говорил: «Знаешь, хорошо иметь любимую женщину и преданного кота». Я же спрашивала: «А не наоборот?» и Павлуша злился и крепко сжимал мне руку: «Не дразни!..». (Из письма Агаты к Нюре от 6 октября 1965 г.)

Читая эти строки, трудно представить, что это - тот Павел Булыгин, который в описываемый «абиссинский» период жизни предстает перед читателем как зрелый публицист, чьи историко-этнографические зарисовки жизни Абиссинии периода конца 20-х - середины 30-х годов предыдущего столетия, оценка психологического климата в русской общине и ее значимости для принявшей русских страны, художественность образов говорят о высокой духовной культуре этого человека и поистине бесценны для научных изысканий.

В одном из самых печальных своих писем сестрам

¹ Само стихотворение утеряно.

Булыгиным Агата Титовна пообещает написать о радостных днях, проведенных вместе с любимым человеком в Африке: «Мое письмо – грустное и тревожное, но я потом напишу вам, дорогие сестры, о другом, т.к. с Павлушей в его хорошие дни всегда было и светло, и весело. Целую Агата». (Из письма Агаты к Нюре от 22 сентября 1965 г.). Но выполнит свое обещание только через семь лет: «Зверюшки, – тем не менее, напишет она тогда же, – это только улыбка нашей жизни, в которой было и много горького из-за недостигнутых целей. Много моментов, когда стискивали зубы в горечи и обиде за потерянное и недостигнутое». (Там же).

Это «потерянное», «недостигнутое» в эмигрантских скитаниях русской интеллигенции, в ее сознании почти всегда облекается в образ Родины, в ощущение ее безвозвратной потери, невозможности жертвенного и беззаветного служения ей ... и все же в надежду на возвращение ее той, прежней, родной, горячо любимой России...

«Павлуша часто, всегда вспоминал дом, Михайловское, всех вас! Его стихи – чудесные – говорят об этом больше, чем я могла бы сказать. О нашей жизни с ним? Что? Так трудно. Он жил одной идеей, одной целью, которая может быть уже была нереальна... Я о многом, многом могу и хочу вам, мои сестры, писать о Павлуше, но...трудно. Поймите меня. Это – не мое, личное, что трудно, а другое. Он был рыцарь своей идеи, которой больше нет» (Из письма Агаты к Нюре от 14 мая 1965 г.)

Еще раньше современники будут говорить о нем, его творчестве: «Этот сильный, мужественный человек был очень нежен и мягок, и грусть, разлитая в его стихах, неуклонно, неизменно была направлена в определенную сторону: сторону России. Булыгин был верным рыцарем родины»¹.

¹ Из рецензии-некролога А. Перфильева на посмертный сборник стихов П. Булыгина «Янтари», Рига, 1937 г. // «Для вас». Рига, № 26 (184) от 27.06.1937 г.

Парагвай, куда семья Булыгиных перебралась в начале 1934 г., окончательно покинув Абиссинию, становится последним приютом поэта. Но это уже другая история. Нас она интересует, поскольку эпистолярно и поэтически тесно переплетается с жизнью и памятью об Абиссинии, стране любви, творчества, счастья и несчастья Агаты и Павла Булыгиных.

«С годами все стало труднее – Павлуша стал очень сильно пить. Об этом трудно говорить в письме, т.к. корни этого были не у нас, не в семье, а в прошлом. Все, что он пережил, отдавая своему «делу» душу, сердце – если б надо было, готов был бы и жизнь свою отдать – все это принесло ему, год за годом, горькие разочарования в самых близких, самых верных друзьях. Я переживала все это с ним, старалась уговорить его не принимать всего близко к сердцу... В последние годы – 1934-35 – состояние Павлуши ухудшилось. Долгие годы жизни в Африке, на Абиссинском плато расширили его сердце. Врачи запрещали пить. Но он уже не мог этого бросить. Он пил, сидел ночи напролет над своей книгой (она вышла в печати через неделю после его смерти) и за стаканом написал много чудесных, нежных и глубоких стихов. Я ничего не могла сделать (наверное, не достаточно он меня любил!) – я могла только дрожать, молиться за него и быть всегда «наяву» - не фантазировать и не «засыпать», чтобы всегда быть готовой помочь ему... Иногда были «просветы» - не пил, работал, говорил о будущем.. В такой просвет и пришел конец... 17 февраля 1936г. сидели на веранде. Павлуша читал вслух отрывок из «Трех мушкетеров». Вдруг задохнулся, откинулся и его не стало. Дом был полон чужих людей, прибежал доктор – все было кончено. Меня в тот момент обокрали – сумку со всеми документами, деньгами, даже шприц со стола, которым я делала в своем отчаянии последнее впрыскивание камфары. Все это грустно и страшно, Ньюра, и как будто было вчера, а не 30 лет тому назад. В 3 часа дня в тот же день его похоронили. Моя жизнь тогда сломалась и ... хромает». (Из письма к Ньюре от 22 сентября 1965 г.).

Беззаветно и до последних дней жизни любила Агата

Титовна Павла Булыгина, хотя пережила его на 40 с лишним лет. После его смерти вступила в новый брак, который называла «служением совершенно чужому мне по духу человеку, который после смерти Павлуши протянул мне руку помощи» (Из письма Агаты к Нюре от 14 мая 1965 г.).

Агата Титовна Булыгина - женщина острого ума и высокой культуры – пробовала себя в поэзии. Наверное, если подходить к этим опытам со строго литературных позиций, то вряд ли можно назвать их поэтически совершенными, хотя по духу своему они очень женственны, изящны, трогательно лиричны, а африканская экзотика этих стихов ошутима и, несомненно, любима их автором:

Около этой мимозы, сухой и унылой,
На которой ночью прячется рысь,
Ты рассказал мне, - милый, милый, -
Что есть над пустыней бездонная синяя высь,
Что в этой выси, - яркой и жгучей, -
Прячутся крупные, белые облака,
Отражая в себе всех живущих
По закону священного «чарака»¹,
И когда я спросила: «А мы?
Отражаемся мы тоже в этой дали?
Где и когда и куда?»
Ты ответил, смеясь: «Отражают (ем),
Нас обоих всегда облака – навсегда».
И я снова в пустыне, но теперь я одна.
Я ищу отраженья своих очертаний,
Но бездушно плывут облака
В бесконечном небесном сверканьи.
Может быть, отразившись в минувшей дали,
Ты горюешь о нас, как горюем мы здесь о тебе?
И роса, что застыла на травах прозрачной печалью,
Не твои ль это слезы и мысли о нас
В этот нежно сияющий час?

Абиссиния, 1957 г.
Агата Булыгина

¹ по-амхарски: заклинание, его смысл – «навсегда».

По всей видимости, Агата Титовна пыталась писать и прозаические произведения, о чем свидетельствует фрагмент постскриптума ее письма, адресованного г-ну Оречкину, редактору газеты «Сегодня»: «Болезнь не позволяет мне зайти лично к Вам в редакцию, поэтому прошу Вас, если не затруднит, передать мои рассказы («Прокаженные», «Теклэ», «Москаль», «Андрюшка») Е.Л. Шкляру»¹. Но о судьбе этих рассказов пока ничего неизвестно.

В конце 50-х годов Агата со вторым мужем, англичанином Эриком Фенвиг-Циглером («моим Эриком-приятелем, который ни во что не верит» (Из письма Агаты к Нюре от 20 марта 1971 г.)), покидают Африку, навсегда перебираясь в Америку. Именно там, в результате ураганов и погодных катастроф («Агата пережила на Флориде ужасный ураган Дога. Двухметровая серая волна залила их домик на берегу, и они потеряли массу вещей: платье, ботинки, книги, снимки. А через три дня были в отеле в середине островка». (Из письма Жени от 28 октября 1964 г.) она теряет почти весь архив Булыгина, который возила с собой во время всех своих мытарств по миру².

Печальным рефреном проходит Слово любви и верности любимому человеку практически во всех письмах Агаты сестрам и подруге. Но в то же время Агата Титовна - женщина сломленная, погруженная в себя, которая живет исключительно прошлым, неизбывной тоской по ушедшему прекрасному времени, проведенному с любимым и любящим человеком, в том числе и много лет в Африке. Она как будто постоянно равняется на его ум, его порядочность и принципиальность.

¹ Шкляр Евгений Львович (1894-1941) – поэт, писавший на русском и литовском языках, в 1920-1930-е годы сотрудник каунасской газеты «Эхо».

² После смерти П.П.Булыгина Агата Титовна выехала в Европу, на Юг Франции. Затем она могла, как полагает Т.С. Максимова, внучатая племянница П.П. Булыгина, какое-то время жить в семье старшего брата Раймунда Шишко в Милане, позже полгода жила в Варшаве у своей подруги детства и двоюродной сестры умершего мужа Жени Лембке. Все эти переезды, конечно же, не способствовали сохранению архива.

Верность любви к Павлу Булыгину эта женщина сохранила до конца своей жизни. Но была еще и иная ипостась верности – твердое желание не дать уйти в небытие имени Подвижника и Поэта. «Нюра, дорогая, мне иногда – и часто – кажется, что что-то надо сделать. Имя Павлуши не должно заглухнуть в проходящих годах и предано забвению. Много, много из его (очень его любивших) друзей уже умерли. Иногда мне кажется, что я тону среди бурных волн чужой жизни. Все уходит куда-то, все забывается. Нельзя дать забыть Павлушу, ни его жизни – самоотверженной и честной, ни его таланта. Это – достояние России, но... что же делать? Я живу как будто я – не я, Нюра. «Trudno», как говорят поляки, и лучшего определения я еще не нашла». «Из письма Агаты к Нюре от 20 августа 1971 г.)

И это ее намерение спасти честь и «достояние России» отнюдь не ограничивается родственной перепиской. Агата Фенвиг-Циглер бесстрашно борется за сохранение доброго имени своего мужа, проявляя необычную для общего ностальгического настроения ее писем к сестрам мужа и подруге жесткость и твердость характера. Сохранились три письма, адресованные г-ну Д.Г. Лучанинову в Париж, в которых демонстрирует решимость защитить безупречную репутацию и старинное имя Павла Булыгина от клеветнических происков в его адрес. Особенно отчетливо это проявилось в приводимой ею копии письма некоему г-ну Каратееву, посмевавшему огульно публично оклеветать доброе имя ее мужа¹

«Отправлено в Париж в июле 1972 г. г. Каратееву.

С некоторым запозданием я получила газету «Новое Русское Слово» с Вашими воспоминаниями о Парагвае. В Ваших статьях много неточностей и просто неправды. Ваше отношение к Парагваю, маленькой бедной стране, давшей

¹ Речь, по всей вероятности, идет о фрагменте книги М. Д. Каратеева (Дорогами конкистадоров, Буэнос Айрес. 1972 г., С. 73-75), в котором автором подвергалась сомнению этическая и экономическая стороны эмиграции литовских крестьян в Парагвай, осуществляемая П.П. Булыгиным и его конкурентом генералом Беляевым (Подробнее об этом см.: Р.Д. (Р. Днепро). «На землю!» // Возрождение. № 3577, Париж, 20 марта 1935 г.).

Вам приют и возможность работы – а так же к прекрасной и дружной семье русской колонии в то время – оставляю на Вашей совести. Я, жившая в Парагвае в то же время, как и Вы, могла бы Вам ответить открытым письмом через прессу. Но Вы уверяете, что Вы – офицер. Только поэтому пишу Вам лично, чтобы прямо сказать Вам, что Вы, упоминая имя моего покойного мужа – Гвардии капитана П.П.Булыгина – в игриво-постыдном тоне (неприличном для брата-офицера) поступили трусливо и отвратительно, а главное, не по-офицерски.

Я родилась и выросла в офицерской среде родной России, и с детских лет знала, что значит офицерская честь и этика.

Зная, что мой муж скончался около 30 лет тому назад, Вы написали несколько неприличных для каждого офицера (вероятно из-за лишних строк для Вашего произведения?) замечаний о человеке, которого Вы не знали (Вы никогда не были бы приняты) и которого Вы хотели обрисовать в непривлекательном виде.

Вы поступили трусливо, гадко и, конечно, не как офицер.

Откуда у Вас хватило бесстыдства на этот поступок?

А. Булыгина

К письму приложена

1. Вырезка из газеты «Новое русское слово»,
New York, 18.08.1971г.»

Спасала она память о муже-поэте и иными, доступными этой уже немолодой женщине способами:

«Переписываю для одного его друга в Европе стихотворения Павлуши. Он обещает их издать в Париже. Даст Бог. Есть у меня одна книга стихов Павлуши, издана была после смерти Павлуши, почти 34 года тому назад. Тогда мне помогла моя выставка Абиссинских акварелей (моей работы). Теперь эту книгу нигде не достать, распродана. А на мою пенсию (за работу в USA) ни о каких изданиях здесь и думать нельзя. Но не теряю надежды, что так или иначе память о

Павлуше в литературе и истории останется. Бог поможет, верю». (Из письма к Нюре от 20 сентября 1972 г.)

Она также была благодарна за любую добрую память о муже:

«Недавно совершенно случайно списалась с полковым другом Павлуши, которого Павлуша очень любил. И как этот (много старше его) друг любил Павлушу, вижу из его писем. Ему уже 83 года, живет в Париже¹, как и все, живет бедно на чужбине, но как я жду его писем. Их храню. Столько нового узнаю в них о Павлуше такого, чего Павлуша по своей скромности (!) даже не упоминал или говорил только вскользь.

Все храню для кого-то, кому это будет важно и нужно. «Взлеты и падения». Я в связи с его близкими друзьями (одному уже 83 года, другому – 78). Они помнят и любят его, делают все, чтобы память о нем не исчезла как источник в песке». (Из письма Агаты к Нюре, написанном в 1968 г.)

¹ Речь идет о полковнике Дмитрие Гавриловиче Лучанинове (1891-1980), который к тому времени жил во Франции и был хранителем парижского музея Лейб-Гвардии Петроградского полка, членом «общества любителей русской военной старины» Парижа, председателем полкового объединения Союза инвалидов Франции и объединения кадет 1-го и Суворовского корпусов, шеф-хранитель, историограф Лейб-Гвардии Петроградского полка. Письма Агаты Титовны к нему несколько лет назад передал Т.С. Максимовой его сын, Сергей Дмитриевич Лучанинов. Ныне он живет в США.

«Никифоров В.И. – кадровый военный, писатель и краевед»

*Лебедева Елена Владимировна,
г. Вязники*

Никифоров Валерий Иванович родился 20 февраля 1914 года в городе Гороховец Владимирской губернии.

Отец Никифоров Иван Иванович (24.03.1882-1924 годы)

– сын гороховецкого мещанина с 1889 по 1898 годы учился в Гороховецком городском двухклассном училище. Мать Никифорова (Белова) Евдокия Федоровна (1884-1885-1962 годы) проживала в Гороховце, где и умерла в возрасте 78 лет. Дед по материнской линии Белов Федор Антонович имел в Гороховце «2 старинных дома упоминаемых в краеведческой литературе. В каменном двухэтажном жила моя мать Евдокия Федоровна Никифорова, урожденная Белова. Федор Антонович, переехав в Вязники, был смотрителем соборных часов, регентом Введенской церкви, учителем пения в Вязниковской и Песковской школах, настройщиком пианино, ремонтом и конструктором новых часов, создателем трехколесного велосипеда. Умер от дифтерита, простудившись после бани при ремонте соборных часов».

Умер от дифтерита, простудившись после бани при ремонте соборных часов».

В «Автобиографии» Никифоров Валерий Иванович напишет: «Отец мой, Иван Иванович Никифоров, до революции и после работал на Гороховецкой бумажной фабрике в качестве возчика сырья. Мать, Евдокия Федоровна Никифорова, до революции и после была домохозяйка».

В 1924 году Валерий Иванович поступил в семилетнюю школу города Гороховца, которую окончил в 1930 году. Спустя много лет, в 1988 году, посетив Гороховец после длительного отсутствия, Никифоров В.И. напишет: «Гороховец – моя благословенная малая Родина, сыновняя любовь к которой до сих пор сохранилась в моем сердце. В мои мальчишеские годы я видел портреты мужчины с бородой, которые висели на видных местах в школах города. В семье я часто слышал разговоры о купце Сапожникове, как о благодетеле города. Письмо, написанное моим отцом в 1916 году в Казань с просьбой о постройке на Новой Линии водопровода, и на удивление быстрая, несмотря на войну, постройка водопроводной сети по всем улицам, красивая церковь из красного кирпича, построенная на средства того же купца Сапожникова, - все это сформировало в моем детском восприятии представление о Сапожникове не как о человеке, а как о каком-то полубоге, тем более, что семья Сапожниковых в то время в городе не жила и их старинный дом пустовал и потихоньку начинал растаскиваться. В начале 20-х годов портреты Сапожникова в школах были сняты».

В 1930 году Валерий Иванович продолжил учебу в ФЗУ (Фабрично-заводское ученичество), которое окончил в 1932 году. Школы ФЗУ действовали при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих. ФЗУ готовило токарей, слесарей, электриков, разметчиков, столяров, плотников, клепальщиков, чеканщиков и кузнецов. С 1932 по 1934 годы Никифоров В.И. работал клепальщиком на Гороховецком судостроительном заводе. В сентябре 1934 года поступил садовником в Гороховецкое садовое хозяйство. Откуда в октябре 1934 года был направлен на учебу в Ленинградский техникум зеленого строительства, курс садово – паркового озеленения. Техникум находился на улице Воинова, рядом с Таврическим садом - образцом ландшафтного искусства и художественного садоводства. Не окончив полного курса Ленинградского техникума зеленого строительства, осенью, в ноябре 1935 года, поступил в Ленинградскую пехотную Краснознаменную школу имени Э.М. Склянского. Начальником был комбриг Тюрин Александр Алексее-

вич(1896-1976годы). На основе приказа Наркома Оборона СССР №36 от 28 января 1937 года школа была переименована в Ленинградское Пехотное Краснознаменное училище имени Э.М. Склянского. В канун 20-летнего юбилея училища 28 января 1938 года приказом Наркома Оборона СССР Ленинградскому Пехотному Краснознаменному училищу было присвоено имя Сергея Мироновича Кирова.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) имеются документальные материалы Ленинградского дважды Краснознаменного пехотного училища имени С.М. Кирова. В алфавитных списках курсантов значится «Никифоров Валерий Иванович 1914 года рождения, место рождения - город Гороховец, место жительства - город Ленинград, улица Васильевская, дом 11, общежитие ТЗС, квартира 62. Окончил ФЗУ, специальность - клепальщик, холост, беспартийный. С 15 ноября 1935 года – курсант училища». Училище было строго специализированным учебным заведением, в котором практиковалась широкая военная и политическая подготовка курсантов. Учебные планы подготовки общевойсковых командиров включали изучение новой материальной части. Кроме групповых и лабораторных занятий, широко практиковалось посещение специальных частей. Особое внимание уделялось вопросам использования боевой техники, изучению ее тактико - технических данных, организации взаимодействия всех родов войск на поле боя. Его выпускники к тому времени несли службу практически во всех гарнизонах - от западных рубежей до Дальнего Востока. Никифоров Валерий Иванович окончил училище в июне 1938 года (приказ по училищу №175 от 10 июня 1938 года).

Имеется приказ НКО №0544 от 5 июня 1938 года, согласно которому курсанту, окончившему по 1-му разряду Ленинградское пехотное Краснознаменное училище имени С.М. Кирова, Никифорову В.И. присвоено военное звание – лейтенант и назначен командиром взвода батальонной артиллерии 119-го стрелкового полка на Дальний Восток .

119 стрелковый полк, впоследствии 178 стрелковый полк, входил в состав 40 стрелковой дивизии имени «Серго Орджоникидзе», которая в 1938-1940 годы входила в состав

Особой краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА), сформированной на основании приказа РВС СССР 227\41 от 6 августа 1929 года.

С 29 июля участвовала в боях на озере Хасан.

В приказе по 1-ой Отдельной Краснознаменной армии по награждению участников Хасанских боев Нагрудным знаком «Участнику Хасанских боев», в приложенном списке по 119 стрелковому полку 40 стрелковой дивизии, Никифоров Валерий Иванович не значится».

В «Автобиографии» Никифоров Валерий Иванович напишет «В первые же дни по прибытии в 119 горнострелковый полк 28 июля 1938 года вступил в бой с японцами на озере Хасан в качестве командира взвода противотанковой батареи. Был ранен и контужен, награжден орденом Красного Знамени».

В ЦАМО в картотеке награждений есть информация о награждении Президиумом Верховного Совета СССР 25.10.1938 года Никифорова В.И. Орденом Красного Знамени. Дата призыва 15 ноября 1935 года.

25 октября 1938 года 40 стрелковая дивизия имени Орджоникидзе была награждена орденом Ленина указом Президиума Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и героизм, проявленные личным составом при обороне района озера Хасан».

В материалах «Представления к Правительственной награде Ордену «Красное Знамя» за проявленные «мужество и героизм в боях за высоту Заозерную «119 стрелковый полк 40 стрелковой дивизии имени «Серго Орджоникидзе» за подписью командира полковника Базарова Владимира Кузьмича, комиссара Иванченко, начальника штаба майора Ружкова было сказано: «29 июля с.г. японские самураи начали наступать на высоту Заозерную и 31 июля пошли в атаку на 2-ю стрелковую роту (командир роты лейтенант - товарищ Левченко), занимавшую Безымянную высоту, что севернее Заозерной 1,5 км.

Бойцы и командиры героически отразили самурайские атаки, нанося им смертельные удары своим метким огнем, и вышли из окружения, присоединившись к батальону това-

рища Головина, который в это время энергичным броском с высоты 158 вышел в район высоты, с камнем, занял оборону и обеспечил за собой неприкосновенность Советской границы. 2 августа бойцы и командиры 119 стрелкового полка, ведя наступление под ружейно-пулеметным и арт-огнем с северного направления через высоту 68,8 и высоту Безымянную показали героизм и мужество, продвигаясь вперед и уничтожая своим огнем и штыком японских бандитов, посягнувших на нашу Советскую землю.

6 августа полк получил боевую задачу - овладеть высотой Пулеметной и в дальнейшем выйти на восточные скаты высоты Заозерной. При подходе к высоте Пулеметной полк был встречен сильным артиллерийским и пулеметным огнем, но огонь самураев не остановил наступательный порыв бойцов и командиров. Бойцы, командиры и политработники, горя одним стремлением овладеть во что бы то ни стало высотой Заозерной, неустрашимо шли вперед. И несмотря на яростное сопротивление японских самураев, неоднократно переходивших в контратаку, верные сыны социалистической Родины единым ударом с 118 стрелковым полком овладели высотой Заозерной и окончательно очистили Советскую территорию от японо-фашистской нечисти.

539 бойцов, командиров, политработников, отличившихся в боях за высоту Заозерную, представлены к орденам СССР».

В документах 40 СД имени «Серго Орджоникидзе» имеются рукописные списки 119 стрелкового полка, в которых значится: Никифоров, год рождения и имя не указаны, старший лейтенант, ранен, член ВКП(б).

В 1940 году Валерий Иванович приезжает в город Вязники, где 31 января 1940 года женился на девушке 25 лет Пузыревой Елизавете Федоровне(21.10.1914 - 11.05.2002 годы). Брак был зарегистрирован в Бюро актов гражданского состояния Вязниковского районного отделения управления НКВД по Ивановской промышленной области народного комиссариата внутренних дел СССР. Девушка работала на фабрике имени «Парижской коммуны» сменным мастером. А Никифоров Валерий Иванович служил в 178 стрелковом полку 40

СД имени «Серго Орджоникидзе» в Приморском крае. В бюро актов гражданского состояния Вязниковского районного отделения управления НКВД по Ивановской промышленной области народного комиссариата внутренних дел СССР указано место жительства молодоженов после заключения брака: Приморский край, Хасанский район. Именно там дислоцировался 178 стрелковый полк.

Во время Великой Отечественной войны 25 июня 1943 года у них родился сын Владимир. Свидетельство о рождении было выдано Исполнительным комитетом Барабашского сельского совета депутатов трудящихся Барабашского района Приморского края, где служил Валерий Иванович.

Село Барабаш расположено на реке Мангутай, что в переводе с китайского означает «монгольская деревня». Крупнейшее село в Барабашском районе (с 1947 года Хасанский район) Приморского края, в 128 км от города Владивостока. Когда началась Великая Отечественная война, Никифоров В.И. служил в 178 стрелковом полку 40 СД имени «Серго Орджоникидзе» командиром минометной роты. 40 СД имени «Серго Орджоникидзе» в Великой Отечественной войне не участвовала, находясь весь период в составе 25-й армии на Дальнем Востоке. Принимала участие в Советско - Японской войне, входила в состав действующей армии в период с 9 августа по 3 сентября 1945 года.

В «Автобиографии» Никифоров В.И. напишет: «До 1944 года служил в погранподдержке на маньчжурской границе в составе 40 СД, после чего был направлен в Хабаровское стрелково - минометное училище на должность командира минометной роты».

С апреля 1945 по ноябрь 1945 года командир минометной роты Хабаровского пулеметно - минометного училища, сформированного в 1942 году.

6 мая 1946 года Никифоров В.И. был награжден Президиумом ВС СССР медалью «За боевые заслуги».

С ноября 1945 года по май 1946 года Никифоров В.И. – слушатель курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС) в городе Комсомольске. После окончания КУОС был назначен помощником начальника штаба полка МВД города

Челябинска, где служил до ноября 1948 года, далее - начальником штаба полка МВД.

В «Автобиографии» Никифоров В.И. напишет: «В 1946 году после расформирования училища получил назначение на Урал в управление войск, работавших на строительстве атомного завода «Челябинск – 40». По завершении этой стройки направлен в Сибирь на строительство атомного завода «Красноярск-26». В конце 1940-х - начале 1950-х в СССР начинается бурно развиваться атомная промышленность. Руководство и координация всех работ по осуществлению атомного проекта возлагалась на НКВД (с марта 1946 года – Министерство внутренних дел).

Город Челябинск- 40 был одним из 10 секретных атомоградов СССР и являлся ядерным щитом СССР.

Для выработки оружейного плутония - главного компонента ядерного оружия в ноябре 1945 года под Челябинском начинается строительство комбината №817 (комбинат «Маяк»).

В 1948 году на комбинате №817 был создан первый промышленный реактор, а также радиохимический завод по выделению плутония и химико - металлургическое производство, где был изготовлен первый плутониевый заряд для ядерной бомбы. Об исключительной важности данной стройки и создании производств говорит тот факт, что научными руководителями были выдающиеся советские ученые: И.В. Курчатов, В.Г. Хлопин, а химико - металлургического завода - А.А. Бочвар.

С декабря 1950 года по апрель 1952 года Никифоров В.И. – начальник отдела боевой подготовки управления войск МВД в Сибири на строительстве атомного завода «Красноярск-26».

В 1950 году на берегу сибирской реки Енисей в 40 км к северу от Красноярска внутри гранитного массива Атамановского хребта возводилось грандиозное предприятие – сверхсекретный «Комбинат №815».

Одновременно шло сооружение закрытого города Красноярск-26.

В горной толще на 200 м глубине 3 ядерных реактора производили стратегически важный для советской оборонки продукт - плутоний 239.

Строительство вели заключенные исправительно - трудового лагеря «Гранитный», а также специалисты московского «Метростроя», шахтеры, военнослужащие.

С апреля 1952 года по июль 1958 года Никифоров В.И. – начальник штаба инженерной бригады на строительстве атомного завода «Красноярск-26».

За достигнутые успехи в строительстве крупных предприятий отечественной атомной промышленности и жилых городов он был награжден 20 марта 1952 года Президиумом ВС СССР Орденом Красной Звезды и 30 декабря 1956 года – Орденом Красного Знамени.

В ЦАМО в «Учетно-послужной картотеке» указана дата завершения службы: 5 июля 1958 года. (Учетно-послужная картотека. Шкаф 146. Ящик 19).

В «Справке» от 13 сентября 1966 года за подписью военкома Вязниковского ГВК полковника Кривчикова Николая Никитича было сказано: «Дана настоящая подполковнику запаса Никифорову В.И. в том, что он служил в СА с 15 ноября 1935 года по 1 августа 1958 года. В 1938 году окончил полный курс пехотного училища».

Вернувшись в город Вязники, на родину супруги, в феврале 1963 года устроился на работу директором Лесоторгового склада.

Согласно сохранившимся документам, в дальнейшем Вязниковский лесоторговый склад был преобразован в Вязниковскую тароремонтную и лесоторговую базу Владимирской областной конторы «Владимиртаралесторг» треста «Верхневолжсктара» Верхне - Волжского главного территориального управления ГОССНАБ СССР».

Через 3 года поступил на работу в Вязниковский Льяноный техникум, директором был Борухсон Борис Васильевич (1912-1971годы) - выпускник Костромского текстильного института 1938 года. Директор Вязниковского Льяноного техникума с 1945 – 1971 годы.

5 сентября 1966 года Никифоров В.И. был принят на должность преподавателя гражданской обороны и заведующего кабинетом физкультуры. Никифоров В.И. должен был принять всю документацию и имущество кабинета в 3-х дневный срок у предшественника Боровкова Ю.И.

В «Тарификационном списке педагогических работников Льяного техникума», где были включены все работающие сотрудники, указан Никифоров В.И. - образование незаконченное высшее, окончил Ленинградское пехотное училище в 1938 году, стаж педагогической работы до 5 лет, преподаватель гражданской обороны.

В «Характеристике на преподавателя Вязниковского Льяного техникума Никифорова В.И» за подписью директора Борухсона Б.В. 10.1967 года сказано: «К работе относится добросовестно. Ведет стрелковую секцию учащихся. Занимается в семинаре преподавателей по изучению философии».

Согласно распоряжению начальника ГО города Вязники, Никифоров В.И. был начальником штаба ГО Льяного техникума. Он организовывал обучение сотрудников и учащихся техникума мерам защиты от средств массового поражения согласно имеющейся программе. А также входил в сектор ГТО по приему норм и подготовке к сдаче норм ГТО.

В 1969 году Никифоров В.И. был принят в школу №3 преподавателем военного дела согласно приказа по Гороно №35 от 8 марта 1969 года. В документах Гороно, а именно в «Плане комплектования школ учителями и руководящими кадрами», он указан как преподаватель военного дела школы №3, 1916 года рождения, образование - среднеспециальное, стаж работы 38 лет, преподает в 9-10 классах. Директором школы №3 в то время была Скворцова Софья Васильевна (1923 года рождения) «Отличник народного просвещения». В 1971-1972 учебном году Никифоров В.И. был назначен завучем по военно - патриотической работе школы №3. 1974- 1975 учебный год был последним годом работы в этой школе.

16 августа 1974 года Валерий Иванович был уволен в связи с уходом на пенсию. Его сменил Кормилицын Василий

Михайлович - кадровый военный, в прошлом руководитель воинской части 37247.

6 апреля 1985 года Никифоров В.И. был награжден Орденом Отечественной войны 2 степени.(ЦАМО .Юбилейная картотека награждений, шкаф 42, ящик 9, №74).

Находясь на заслуженном отдыхе, Никифоров Валерий Иванович продолжал трудиться, начал писать свою первую книгу – документальную повесть «Хасан-38: как это было», которая в 1990 году вышла во Владимирском книжном издательстве. 52 страницы.

В 1994 году написал документально-лирическую повесть «История первой любви». Тираж 1000 экземпляров в Гороховецкой типографии. Художник Н.В. Батаев. 56 страниц.

В 1997 году вышел роман «Там была не только война» во Владимире в издательстве «Золотые ворота». Художник – владимирский художник-график Корчагин Владимир Валерьевич. 192 страницы.

Газета «Призыв» 21 октября 1997 года писала : «Никифоров В.И. литературой стал увлекаться с самого детства. Начало этому положила его мать Евдокия Федоровна. Он видел, как мужественно и самоотверженно дрались красноармейцы и дал себе клятву написать об этом книгу. – Сейчас мне 83года, ноги не те... сокрушается ветеран,- но я, по возможности, работаю над материалами «от прошлого». В издательстве «Золотые Ворота» лежит 2 часть книги Никифорова «Там была не только война». И вероятно, уже в этом году увидит свет. Кроме того, в издательстве и рукопись рассказов вязниковца. Один из них вошел в готовящийся альманах «Владимир». Это рассказ «Гришкины слезы». Валерий Иванович является кандидатом в члены Союза писателей. Он - романист, надеюсь, выборы пройдут положительно – продолжил директор и редактор Владимирского издательства «Золотые Ворота» Лалакин Николай».

Новый роман Никифорова В.И. разбирался на очередном заседании литературной группы, под крылом которого творили поэты и писатели самых разных возрастов и литературных предпочтений.

Член Союза писателей России Симонов Б.Т. в статье «Подвиг писателя - земляка», опубликованной в «Новой Вязниковской газете. Плюс» писал: «Высокую оценку работе писателя дал в своем выступлении преподаватель ВМТТ Анисимов Н.А., который в процессе своей учительской работы познакомил с книгами писателя - земляка своих учеников. Добрые слова поддержки нашел для писателя – фронтовика строгий ценитель литературы, известный краевед, историк Аносов Л.И. Взволнованный прочитанным романом и оживленной дискуссией, с жаром отметил понравившиеся места в книге участник литературной группы Шкалов В.П., а Гаврилова Н.И. прочитала посвященные автору - фронтовику свои стихи».

К сожалению, Никифорова В.И. во Владимирское региональное отделение Союза писателей не приняли.

В 1999 году вышла 2 часть романа «Там была не только война» в городе Владимире в издательстве «Калейдоскоп». 240 страниц.

Валерий Иванович был человеком чести и долга, настоящим русским офицером. Он часто встречался с молодежью и учащимися школ, содействуя военно - патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

В «Автобиографии» писал: «Выйдя на пенсию, увлекся журналистикой и краеведением». Валерий Иванович самой яркой страницей своей жизни считал военные годы. Не случайно тема Великой Отечественной войны нашла отражение в краеведческих исследованиях ветерана. В «Автобиографии» он писал: «Мной были исследованы обстоятельства и причины гибели в вязниковском небе 2 бомбардировщиков в 1941 году и истребителя в 1944 году. Были сверены списки воинов, умерших от ран в вязниковских госпиталях с надгробными списками на Покровском и Крестовоздвиженском кладбищах. По книгам ЗАГСА и архива военкомата найдено 20 фамилий бойцов, умерших от ран в вязниковских госпиталях и не вошедших ни в какие учетные списки. Память о них увековечена стелой возле Покровского кладбища. Пропущенные в списках военкомата или в надгробных списках были внесены дополнительно. Для этой работы бы-

ли привлечены учащиеся 1-7 классов школы №2. Большое удовлетворение я получил от успешно исследованных тем о 316 СД, сформированной в 1942 году в Вязниках и сражавшейся в тяжелейших условиях под Сталинградом. В память о 316 СД были изготовлены и установлены мемориальные доски на клубе фабрики имени Парижской Коммуны, где был штаб дивизии, и в деревне Самофаловка под Сталинградом на братской могиле воинов 316 СД».

Круг интересов Никифорова В.И. был широк и разнообразен.

Большую работу провел Никифоров В.И. по исследованию маршрута Аракчеевского тракта на участке от Гороховца через Вязники и Мстеру до Клязьминского перевоза на город Шую. Интересовался краевед и русской церковной архитектурой. Проводил исследования истории сапоговаляльной фабрики в деревне Рудильницы и старинной деревянной ветряной мельницы возле деревни Войново Вязниковского района.

По результатам исследований он писал статьи в газеты «Маяк», «Призыв», «Новая жизнь».

Никифоров В.И. был интеллигентным, скромным, добрым, необыкновенно работоспособным человеком. Просто удивительно, что в то непростое время он увлекся историко – генеалогической деятельностью, вел переписку с Вице - предводителем и главным герольдмейстером Российского Дворянского Собрания Сергеем Алексеевичем Сапожниковым (1938-2016гг). Его интересовала родственная связь гороховецких Сапожниковых и С.А. Сапожникова, который происходил из потомственных дворян Нижегородской губернии, внук гвардейского офицера.

В «Автобиографии» Никифоров Валерий Иванович писал: «Успешно проведено исследование широчайшей благотворительной деятельности гороховецких купцов - меценатов Михаила Федоровича, его супруги Серафимы Ивановны и их сына Константина Михайловича Сапожниковых. В результате их забытые имена в городе вновь обрели широкую известность и заслуженную славу. Сейчас продолжаю тему о послереволюционном периоде жизни членов семьи купцов

Сапожниковых». Краевед пытался добиться установки мемориальных досок на краеведческом музее в Гороховце, во Мстере в усадьбе «Голышевка», в саде юннатов имени И.А. Альбицкого.

Скончался Никифоров Валерий Иванович 15 мая 2002 года в городской больнице от церебрального атеросклероза. Он на 4 дня пережил свою супругу Елизавету Федоровну, которая скончалась 11 мая 2002 года.

Сын Валерия Ивановича Владимир жил в городе Владимире на улице Электрозаводской и 2 декабря 1967 года женился на уроженке города Москвы Рубис Наталье Сергеевне (21.06.1948- 22.02.2007 годы). Молодожены жили в городе Владимире.

Брак зарегистрирован Бюро ЗАГСА города Владимира Владимирской области.

А 28 января 1970 года родилась дочь Ирина.

Никифоров Владимир Валерьевич трагически погиб 9 сентября 2012 года, был сбит машиной в возрасте 69 лет.

Дочь Ирина в 1989 году вышла замуж за студента Владимирского политехнического института кубинца Диаса Эрнесто Гонсалеса. После 4 лет брака расстались, детей не было.

Через год Ирина снова выходит замуж за кадрового военного Смирнова Вячеслава Михайловича. Регистрация брака происходила в Доме Бракосочетаний города Владимира. Супруги жили в Москве по месту службы мужа. Супруг был старше на 14 лет, детей в браке не было.

Ирина умерла в 2012 году в Москве в возрасте 41 год, не дожив до своего дня рождения.

История семьи Булыгиных. Родное Михайловское

(Материалы к биографии Павла Петровича Булыгина (1896-1936). По воспоминаниям его старшей сестры Анны Петровны Модестовой (урожденной Булыгиной) и родственников поэта)

*Модестов Николай Сергеевич,
г. Москва*

Портрет Павла Булыгина, который размещен на обложке сборника «Булыгинских литературно-краеведческих чтений», знаком мне с раннего детства. Круглая рамка красного дерева, в обрамлении которой было изображение серьезного грустного человека, всегда висела в комнате моей бабушки Анны Петровны.

В Москве Анна Петровна Модестова (1890-1976) сменила три места жительства. И всегда вместе с ней переезжали портреты: огромный в старинной тяжелой раме портрет деда Павла Петровича Булыгина – предводителя дворянства и мирового судьи города Гороховца, парные портреты - отца писателя и земского деятеля Петра Павловича и мамы Марии Эдуардовны, и любимого брата Павлуши. Сегодня они украшают стены моего дома.

Любовь к брату Павлу бабушка хранила всю свою долгую и очень нелегкую жизнь. Последний раз они виделись в 1917 году, когда русский мир навсегда раскололся на два лагеря. Сестры Софья, Анна, Наталья и Маруся остались в России. А брат ушел в бесконечные скитания по миру, закончив жизненный путь в далеком Парагвае.

Поддерживать прямую связь с Павлом Петровичем бабушка не могла в силу известных обстоятельств. Офицер, убежденный монархист, он отправился на Дон, стал участником Ледяного похода, позже принимал участие в боях с большевиками.

Теперь эти факты хорошо известны, как и многое другое из его яркой и трагической судьбы. И восстановить все это помогли преданность и смелость его старшей сестры Анны Петровны. Она десятилетия собирала сведения о любимом брате, искала возможность получить хоть какую-то ин-

формацию о его жизни, формировала архив в виде писем, фотографий и рисунков вдовы брата Агаты Титовны Шишко-Богущ (1897-1977).

Анна Петровна была вторым ребенком в семье помещика Петра Булыгина и его жены Марии Эдуардовны (урожденной Бернер), которая была дочерью католического пастора. Они познакомились в конце восьмидесятых годов XIX века в Польше. Петр Павлович служил офицером русской артиллерии в городе Здунска Воля. Его пленила скромность и красота одной из дочек пастора. После венчания молодые супруги отправились в Россию в имение мужа – Михайловское.

С польскими родственниками сложились добрые отношения. Когда подросли дети, Булыгины стали

часто ездить к ним в гости. А те, в свою очередь, наносили русской родне ответные визиты. В России поляки восхищались нетронутостью природы, очень любили собирать грибы, но почему-то страшно боялись комаров.

До 1917 года родственники постоянно контактировали, ездили друг к другу в гости. Но после революции все изменилось. Польша оказалась в стане врагов. Однако даже тогда Анна Петровна продолжила переписку. Она была единственной из родственников, кто после революции не прекратил контакты со своими двоюродными сестрами. От них и приходили вести о брате Павле.

Забегая вперед, скажу, что после окончания Великой Отечественной войны, в конце пятидесятых годов, переписка

возобновилась. И бабушка смогла даже наладить постоянный контакт с вдовой брата Агатой. Письма из США, куда перебралась Агата, доходили до Москвы через Польшу, в конвертах двоюродных сестер. Из этой переписки стало известно о литературных успехах Павла Петровича, вышедших за границу сборниках поэзии, о его участии в корниловском Ледяном походе и странствиях по миру, о малоизвестной книге «Убийство Романовых». В ней он опубликовал документы, связанные с его работой в комиссии следователя Николая Алексеевича Соколова.

Осознавала ли Анна Петровна риск такой переписки даже в послевоенное время? В этом сомневаться не приходится, потому что контакты с Польшей в сталинское время стали роковыми для всей семьи. Летом 1937 года был арестован мой дед Аркадий Николаевич Модестов, обвиненный в шпионаже в пользу буржуазной Польши. Чуть позже пришли и за бабушкой.

Для НКВД Аркадий Николаевич был «идеальным» обвиняемым. Сын «служителя культа» - священника Николая Михайловича Модестова из села Старый двор Суздальского района, друг Павла Булыгина - белогвардейца, да еще женатый на дочке помещика. Уже этого было достаточно. А тут еще и контакты с вражеским государством. Приговор «тройки» был вынесен в кратчайшие сроки: расстрел. Анна Петровна получила «более мягкое» наказание – пять лет лишения свободы. Она провела в лагерях меньше - три года. Но вернулась домой в таком состоянии, что ее снимали с поезда родственники.

На Бутовском (расстрельном) полигоне под Москвой на одной из стен есть табличка с фамилией моего деда. О самом полигоне нам стало известно только с началом перестройки. А бабушка так никогда и не узнала место упокоения мужа. И она долгие годы надеялась... Верили в чудо и дети – старшая дочь Ксения Аркадьевна, ее сестра Наталья Аркадьевна и сын Сергей Аркадьевич – мой отец. Потом наступила хрущевская оттепель. И вместе с радостью реабилитации пришло горе – стало ясно, что надежд нет.

Обстоятельства, приведшие к возбуждению уголовного дела против Модестовых, стали известны благодаря упорству и инициативе Натальи Аркадьевны. Но все это случилось уже после смерти бабушки.

В конце восьмидесятых приоткрылись архивы КГБ СССР. Заручившись поддержкой общества «Мемориал», Наталья Аркадьевна получила доступ к документам и реабилитационным материалам. Она даже сумела снять копии с доносов, допросов, постановлений и приговоров. Была там и последняя тюремная фотография моего деда.

К материалам дела было приобщено и письмо, адресованное «Уважаемому товарищу Берия». Это удивительный документ мужества и любви, который невозможно читать спокойно. Он написан детской рукой, его автор - старшая дочь Модестовых пятиклассница Ксения. Девочка просила пересмотреть дело, уверяя в невиновности своих родителей.

Моя тетушка Ксения никогда не рассказывала мне об этом, слишком было тяжело. Но я горжусь ее поступком и, приходя на могилу, всегда вспоминаю об этом письме, написанном двенадцатилетней девочкой.

...Из материалов дела следовало: именно «польский след», переписка с родственниками стали для НКВД главным козырем.

Трое детей, младшему из которых – моему отцу Сергею – на тот момент было всего лишь шесть лет, остались без родителей. Социальные службы сработали очень оперативно. Через несколько дней после вынесения приговоров в дом в Серебряном переулке на Арбате, где жила семья, приехали представители органов опеки и работники детдома. Они собирались забрать осиротевших детей.

Узнав о цели приезда «добрых людей», младшая сорокачетырехлетняя сестра бабушки Наталья Петровна отказалась категорически: «Не отдам!» Ее отчаянная решимость и самоотверженность не позволили сломать три жизни. Дети остались в семье на попечении родных, жили в своем доме. Они хоть и горевали, плакали по ночам в подушки, но не в детдоме и приюте, а рядом со своими близкими.

Откуда такая отвага и стремление помочь любой ценой? Ведь это был 1937 год, а не «хрущевская оттепель». Подобный поступок, очевидное сопротивление власти могли стоить очень дорого.

В изученном мною уголовном деле Аркадия Николаевича, в доносе, написанном на него, было и упоминание о Наталье Петровне. Ее фраза из дела: «Теперь мало честных. Все работают так: с паршивой овцы хоть шерсти клок». И еще ее же слова, которые могли бы в «умелых руках» стать причиной для возбуждения нового уголовного дела. Когда доносчица стала вызывать у хозяев дома подозрения, Наталья Петровна честно ей сказала в лицо: «Мы теперь станем с тобой осторожнее. Но имей ввиду. Нас много, мы едины».

Они жили одной семьей, были единомышленниками и всю свою жизнь помогали друг другу, радовались вместе удачам, помогали в несчастьях. В доме в Серебряном переулке, кроме семьи Модестовых и сестры Натальи Петровны, часто жили и другие дети и внуки Петра Павловича, которые получили в имении Михайловское уроки благородства, доброты и любви на всю жизнь.

...Владимирская область, Гороховецкий район, Михайловское. Эта «топонимика» была для всех в семье своего рода паролем. Она возвращала к истокам, веселому и беззаботному детству, напоминала об общих корнях и таких любимых, но ушедших родных людях.

Уже под конец жизни Анна Петровна решилась написать воспоминания о детстве. Почему решилась? Вот первые строчки: «Я начинаю писать эти воспоминания по просьбе моих детей и внуков. Им хочется знать прошлое семьи, старый быт и условия жизни, которые так непохожи на современные. Мне 84 года. Пишу после инсульта левой рукой».

А вот эпиграф, который автор выбрал для воспоминаний о детстве.

Старый дом. Разросшиеся ели.
Под окном цветущая сирень...
У пруда подгнившие качели.
Небо синее. Троицын день.
Поутру из близкого погоста

Звон, весенний слышен звон...
Жить так радостно, так просто!
Детство, светлый милый сон!

Стихотворение Анны Петровны Модестовой

Павел Петрович Булыгин

Жизнь в Михайловском и для Павла Булыгина была постоянной темой стихов, раздумий. В каждом его сборнике есть замечательные строки, которые навеяны впечатлениями детства, природой, дарившей красоту и вызывающей восторг. Воспоминания Анны Петровны помогают понять, какое значение имело для маленького Павлуши Михайловское. Там он познавал мир, научился гарцевать на лошади и ездить с деревенскими мальчишками в ночное, сочинял первые стихи, узнал первую любовь.

А няня Таня, которую поэт столько раз упоминает в своих лирических стихах? Павел Булыгин почти всегда подписывал место создания стихов. Если полистать его сборники, то даже можно увидеть, какое значение имело для творчества поэта Михайловское. Название имения чаще всего указывается как место написания стихотворения.

В Михайловском часто бывал инженер-путеец Николай Петрович Маврин. Он потерял ноги на строительстве железной дороги, но переносил тяготы жизни очень мужественно. Семейство Мавриных было желанными гостями на любых праздниках. Когда они приезжали в Михайловское, хозяин вносил гостя в дом на руках. Начиналось семейное застолье.

Племянница Мавриных впоследствии стала прекрасным художником и до последних дней дружила с бабушкой. Я хорошо помню, как на Пасху у бабушки вокруг поставленного в центр стола испеченного домашнего кулича всегда лежали изумительные по красоте крашеные пасхальные яйца. Их дарила Татьяна Маврина.

В воспоминаниях детства есть рассказ о неведомых нам сегодня развлечениях. В Михайловском ставились любительские спектакли, устраивались шарады. Дети разыгрывали сценки. Павел был активным участником всех мероприятий. В постановке сцен из «Евгения Онегина» он безальтернативно становился главным героем. Самый младший, но он был высокого роста, и это помогало вживаться в образ. Павлуша – так ласкового всю жизнь называли его сестры.

Часто после ужина вся семья собиралась за столом и по просьбе хозяина дома пела любимые песни. Старшая сестра Софья Петровна обладала очень красивым сопрано. Остальные дети подпевали.

Эти традиции прожили очень долго. На моей памяти уже в Москве до середины шестидесятых, то есть десятилетия спустя «той давней жизни», когда Анна Петровна со своей сестрой Натальей и дочерью Ксенией собирали в своей квартире членов семьи, устраивались шарады. К тому времени уже появились внуки и внуки, и каждому доставалась маленькая, но важная роль.

В моем детстве бабушка посвятила меня в чудесный весенний обычай, связанный с праздником Благовещения Пресвятой Богородицы. Он также пришел из ее детства, из родного Михайловского. Ранней весной она покупала на Птичьем рынке синичку. А в начале апреля мы шли на Поклонную гору, и я открывал клетку: маленькое существо радостно взмывало в синее небо.

Но вернемся в Михайловское. В доме была замечательная библиотека, которую собирал глава семьи Петр Павлович Булыгин. Его имя было известно в литературной среде. Он публиковался в литературных журналах, написал несколько повестей, самая известная из которых «Расплата». Благодаря бабушке, в моей библиотеке есть книги прадеда. Есть и собрания сочинений русских классиков, с печатью «Михайловское. Имение П.П. Булыгина. ст. Денисово М.-Н. ж.д.».

Это книги Л.Н. Толстого издательства Кушнерева, Н.С. Лескова издательства товарищества Маркс, несколько томов поэтов, в том числе том стихов и поэм Алексея Констан-

тиновича Толстого. Этого писателя Петр Павлович особенно любил и выбрал для подарка на день рождения дочери, Анне. На титульном листе есть надпись: «Моей милой дочке Нюрочке. 1909 год. П. Булыгин».

Глава семьи сам переплетал книги. Он купил во Владимире специальный станок. Дочери сберегли книги, переплетенные писателем. А дочь Наташа позже научилась переплетному делу самостоятельно.

В семейном архиве сохранились большие групповые снимки. Они сделаны во Владимире во время съездов земских деятелей еще в начале прошлого века. Петр Павлович участвовал в них как представитель земства, курировавший деятельность врачей. Все, кто его знал, в первую очередь дочери, отзывались о нем, как об очень скромном, добром и мягком человеке.

То было время, которое Андрей Белый описал в своих воспоминаниях «Между двух революций». Волнения сотрясали Россию, росло недовольство, революционные настроения проявлялись в выступлениях депутатов Думы. Государственный аппарат, во главе которого стоял решительный Петр Столыпин, противостоял этим явлениям. Вспоминая об этом, бабушка объяснила мне, школьнику, значение термина «столыпинский галстук».

Писатель Петр Булыгин не мог оставаться равнодушным к происходящему в стране. Он нередко выступал в газетной периодике. Одна из публикаций вызвала негативную оценку властей. Булыгин попал в негласный черный список и его не переизбрали в земство. Семья стала ощущать материальные трудности. Имение, любимое Михайловское, дохода не приносило. Фруктовые сады оказались убыточными. Доходов не хватало. Глава семейства иногда продавал лес, но этого было недостаточно.

Атмосфера в стране становилась предгрозовой. Булыгиным однажды пришлось даже прятать детей у знакомых во Владимире – стали ходить слухи, что «черная сотня» придет громить квартиру писателя-либерала. Вероятно, все эти обстоятельства подкосили здоровье Петра Павловича. Он начал чаще болеть. Не помогла даже поездка в Крым. Он

умер накануне войны, в 1914 году, в Москве в Цандеровской больнице.

Провожать в последний путь его пришли очень многие. Но, как пишет в воспоминаниях Анна Петровна, поезд, на котором везли гроб, опоздал. Начался сильный дождь. Многие, так и не дождавшись, разошлись. За гробом к церкви в селе Михайловское шли самые близкие. Позже на чужбине Павел Петрович посвятил тем трагическим событиям прекрасное стихотворение.

Наталья Петровна рассказывала мне, что после смерти отца Марии Эдуардовне, оставшейся с пятерыми детьми на руках, предложил помощь его давний друг известный писатель Владимир Галактионович Короленко. Он уговаривал ее переехать в Полтаву, обещал помочь поднять детей. Но из Михайловского семья не уехала. Слишком многое было связано с родовым гнездом Булыгиных.

Родное Михайловское. Только такими словами вспоминали его все годы мои близкие. Их давно уже нет в живых. Анна Петровна и ее сестра умерли в один год. Они похоронены на Ваганьковском кладбище в Москве.

Последнее время бабушка очень болела, перенесла инсульт, но я никогда не слышал от нее ни слова раздражения. Она очень мужественно переносила страдания и болезнь. Незадолго до своего ухода она успела совершить еще один замечательный поступок. По памяти сделала для меня рукописный сборник стихов любимого брата Павлуши. Тогда даже вообразить себе было невозможно, что его книги будут изданы в СССР. И в тоненькой книжечке, переплетенной ее сестрой Наташей, были сброшюрованы несколько десятков стихотворений. Все они написаны почерком, который можно заметить на открытках позапрошлого века, на факсимиле собраний сочинений русских классиков академических изданий. Строчки с витиеватыми буквами и необычными контурами.

В рукописный сборник бабушка вклеила два портрета Павлуши и маленькую акварель его жены Агаты. Эта книга мне очень дорога.

В начале девяностых появилась возможность начать работать с архивом Анны Петровны. Она бережно хранила все документы и письма и была уверена, что это поможет вернуть имя брата в поэзию. Так и случилось. Племянница бабушки Татьяна Сергеевна Максимова попросила передать ей переписку с польскими сестрами и Агатой Богуш, жившей в США.

Вместе с Ксенией Аркадьевной, которая после смерти матери стала хранительницей ее архива, мы передали архив Татьяне Сергеевне, которая за 25 лет проделала большую работу, и сегодня имя Павла Булыгина занимает достойное место в русской поэзии.

Любимый поэт Павла Булыгина – такой же, как и он, монархист и странник – Николай Гумилев написал в 1915 году в своей книге «Записки кавалериста»: «Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждый день спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые дремлющие прежде силы».

Павел Булыгин вольно или невольно выстроил свою жизнь именно так. Трагическая судьба его вызывает сегодня огромное уважение, а поэтический талант – восхищение и преклонение.

В моем архиве сохранились письма Анны Петровны, адресованные сестре Наталье. В одном из них от 13 июля 1958 года младшая сестра пишет о предстоящей поездке в родное Михайловское. Но при этом она жалуется на грусть, которая охватывает ее при мыслях об ушедших близких и прошедшем светлом детстве.

Анна Петровна отвечает: «Наташа, я буду очень рада, если в Петров день ты побываешь в Михайловском, рядом с папиной могилой. Но только в том случае, если ты также спокойно и углубленно можешь смотреть в прошлое, как я. И не терзайся, что это прошло. Будем благодарны, что у нас в жизни было столько чудесного. Разве многие могут сказать это о себе?»

«История семьи. Беневоленские – по Божьей Воле»

*Панжукова Полина Алексеевна,
г. Нижний Новгород*

Меня интересует история моего родного края, малой родины, тех мест, которые связаны с моей семьёй. Мне кажется, что в наше непростое время мы не должны забывать о своих корнях. Мои корни по линии матери связаны с Владимирской землей, с городом Вязники. Это моя малая родина, здесь я часто бываю, поэтому захотела более подробно узнать о моих родственниках.

Несколько лет назад мне посчастливилось познакомиться с краеведами Владимирской области, их рассказы были очень увлекательными, я открыла для себя много нового про историю сёл и городов Владимирской области, а также о людях, которые внесли свой вклад в развитие родного края и оставили след в истории страны. В рассказах краеведов я услышала фамилию моих родственников, которые жили до революции и были известны многим старожилам Вязниковского района.

Я подумала, а может быть, я смогу соединить историю моей страны и Владимирской области с историей жизни моих родных. У нас большая семья, но, к сожалению, старое поколение, которое было хранителем историй об истоках нашей семьи, уходит от нас, а записей для передачи потомкам у нас нет.

Общаясь с родственниками, я слышала много рассказов о своих предках, но, к сожалению, некоторые события не соотносились по датам и фамилиям, некоторые рассказывались как легенда и никто уже не помнил, что правда, а что вымысел.

Но во всех рассказах родственников было общее то, что мои предки были благородными и честными людьми, а также носили сан священнослужителей, что накладывало на них дополнительные обязательства, тем более в период революционных перемен, когда повсеместно начались гонения на церковь и духовенство.

У нас дома всегда были старинные фотографии, которые мы рассматривали и вспоминали отрывки из судеб моих далеких родственников. Я окончила воскресную школу при православном храме Николая Чудотворца в Нижнем Новгороде и решила более точно установить генеалогические связи с родственниками, которых видела на фотографиях и которые были священнослужителями.

Я помнила, что с моими предками была связана какая-то интересная история и мне очень захотелось систематизировать все сведения, оставив записи для новых поколений.

В первую очередь я составила таблицу, где записала всё, что известно о моих родственниках: фамилию, имя, отчество, возраст, место рождения.

Я решила, что объектами моего исследования станут мои дедушка и бабушка в 6 поколении – Беневоленский Иосиф Семёнович и Беневоленская (в девичестве Успенская) Мария Ивановна.

Практически на обороте каждой фотографии была памятная надпись, благодаря которой мы смогли установить год рождения родственников, а также девичью фамилию Марии Ивановны - Успенская.

Вместе с бабушкой мы кратко записали хронологию событий и мест жительства и служения Иосифа Семёновича, а также информацию, которую мы знали о его близких родственниках – братьях и детях. О родителях Иосифа Семеновича и его жены нам ничего не было известно.

Второе, что я сделала – это пообщалась с родственниками, которые могли что-то помнить о наших общих предках, а также попросила выслать какую-либо информацию: фотографии или документы, связанные с Беневоленскими.

Родственники рассказали всё, что они знали и выслали мне на электронную почту фотографии семьи Беневоленских, которые хранились в их семейных альбомах. К сожалению, информации и фотографий было немного, но и эти сведения дали мне возможность двигаться дальше в своих поисках. Следующей моей задачей было узнать, где учился и в дальнейшем служил Иосиф Семёнович.

От родственников я получила информацию, что мой предок недолгое время служил учителем словесности в Нижегородской духовной семинарии. Я через Интернет направила запрос в канцелярию Нижегородской духовной семинарии с просьбой подсказать, служил ли мой предок в данном монастыре, в каком чине и как долго, указав фамилию, имя, отчество, год рождения. К сожалению, из канцелярии пришел ответ: «Сведения о представителях духовного сословия с фамилией Беневоленский имеются на 3-х человек, но Иосифа Семёновича среди них нет. Советуем обратиться в архив Нижегородской области. Первый проректор прот. Александр Мякинин».

Я продолжила поиски.

Каждое лето я отдыхаю в деревне, недалеко от города Вязники Владимирской области. Это наш родовой дом, и мои предки Беневоленские тоже из Владимирской губернии, поэтому я созвонилась с местным школьным краеведом Каримовой Т.Н., а она посоветовала обратиться к краеведу Васищеву Юрию Александровичу из города Вязники, который изучает сведения о священнослужителях Вязниковского района, а также является председателем правления Вязниковской ассоциации жертв политических репрессий.

Я написала электронное письмо Юрию Александровичу с просьбой поделиться информацией о моих родственниках Беневоленских, если ему что-либо известно. Юрий Александрович направил в мой адрес информацию не только об Иосифе Семёновиче, но и о его отце Семёне Осиповиче, деде Осипе Семёновиче, тоже священнослужителях.

Осип Беневоленский.

Дети: Фёдор и Семён.

Семен Осип. Бен-ий (р.ок.1832-ум.1889). С 1857 - свящ. с. Голянищева Муромск. у., с 1860 - св. с. Купли Горохов. у., с 1865 - пог. Быстриц т.ж. у., с 1875 - собора Гороховца.

Похоже, его дети - Евлампий (после 1882 - свящ. в Сибири) и **Иосиф (с 1900 - учитель Дубковского земск. у-ща Горох.у.)**.

Также Юрий Александрович направил мне выписку из «Книги Памяти» о жертвах политически репрессий Владимирской области, где говорилось о Беневоленском Леониде Фёдоровиче, который, возможно, тоже является нашим предком по двоюродной линии.

У нас хранилась фотография иеромонаха Левкия, и мы знали, что он был репрессирован, служил в монастыре за Гороховцом, но точных сведений о его мирском имени не было.

Параллельно я пыталась найти какую-либо информацию в Интернете. Нашла старинную книгу «Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии с 1750-1900 годы», и в этой книге мы нашли наших предков, выпускников, с указанием даты выпуска, дальнейшего места служения и даже даты смерти отца Иосифа Семёновича – Семёна Осиповича.

В интернет-ресурсах я также нашла статью о священнослужителе Беневоленском Иосифе, который служил в Покровской церкви села Голышево и был поставлен ещё законоучителем церковно-приходской школы села Алексеевское. Данная информация была на сайте «Историко-краеведческого музея Ковровского района», и я попросила разрешения директора музея воспользоваться информацией с сайта для создания генеалогического древа своей семьи. В ответ получила разрешение и дополнительную информацию о Беневоленских, которой владел музей. Вскоре получила копии клировых ведомостей из Государственного архива Владимирской области с подтверждением вышеуказанных сведений.

Так у меня и начала складываться картина истории моей семьи. Летом навестила родственников – потомков родного брата Иосифа Семёновича - Александра Семёновича, которые до сих пор живут в единственном домике у разрушенной церкви Иоанна Богослова на погосте Меркутино, где служил их предок. И они подтвердили, что был ещё один брат, возможно, двоюродный, который жил за рекой Клязьмой и был сослан в Сибирь.

Из информации, которую я получила из музея о более далеких предках, действительно получалось, что Леонид Фё-

дорович Беневоленский был двоюродным братом Иосифа Семёновича, и скорее всего, иеромонах Левкий в миру и был Леонидом Фёдоровичем.

Я побывала в «Историко-краеведческом музее Ковровского района», пообщалась с директором музея.

Также посетила город Гороховец в надежде найти могилу Семёна Осиповича - священника Благовещенского собора Гороховца, но, к сожалению, на старом погосте у храма найти могилу нашего родственника было практически невозможно.

Я посетила женский Свято-Знаменский монастырь в Гороховце, который расположен за рекой и первоначально был мужской обителью. У нас была надежда, что в монастыре сохранились клировые ведомости и мы узнаем что-то о Леониде Фёдоровиче Беневоленском, но, к сожалению, в советское время монастырь был разграблен и всё восстанавливалось заново.

С помощью своих близких родственников я провела довольно долгое исследование, записала все семейные истории и, к моему удивлению, помимо генеалогического древа у меня получилась удивительная история жизни моих предков, это итог моих исследований, это история любви и великих подвигов, которую я вам сейчас расскажу.

В далеком 1900 году жили три брата: Иосиф, Александр и Леонид Беневоленские. Братья выбрали одинаковый жизненный путь и посвятили себя служению Богу.

Беневоленский – это придуманная в семинариях латинская фамилия. По-латыни "беневоленс" - проявляющий добрую волю. Так иногда называли юношей, поступивших в семинарию по собственной воле, а не по настоянию родителей. Об этом мы можем прочитать в записках Чехова Антона Павловича. Он сетовал на то, что в письмах, адресованных ему в город Воскресенск (ныне г. Истра), часто не указывают губернию, и замечал: «а Воскресенсков на Руси столько же, сколько в святцах Иванов и среди попов Беневоленских».

Иосиф Семёнович Беневоленский родился в 1878 году во Владимирской губернии, и когда пришло время выбора жизненного пути, Иосиф выбрал путь священнослужителя.

Иосиф Семёнович был сыном священнослужителя и относился к сословию православного духовенства.

В 1900 году окончил Владимирскую духовную семинарию и был направлен учителем в Дубковское земское училище Гороховецкого уезда.

Около 1902 года Иосиф принимает сан священника и венчается с Успенской Марией Ивановной.

Молодого священника с семьей направляют служить в Покровскую церковь в дальнюю деревню Голышево Владимирской губернии. Немного отступая от темы, хочу сказать, что сейчас этой деревни не существует, так как после разрушения церкви люди стали из деревни уезжать, и через некоторое время деревня Голышево существовать перестала.

«Иосиф Семёнович служил в Покровской Голышевской церкви более 10 лет, а в 1904 году произошло знаменательное событие. У царской четы родился долгожданный сын – цесаревич Алексей, и это великое для всей России событие произошло после посещения царской четой Саровского монастыря. У значительной части населения Российской империи рождение наследника вызвало сильный всплеск патриотических чувств. Также большим событием для всей России стала недавняя канонизация Серафима Саровского в июле 1903 года».

В деревне Лаптиха Судогодского уезда Владимирской губернии местные жители обратились к губернскому начальству с просьбой разрешить постройку церкви во имя преподобного Серафима Саровского в память о рождении цесаревича Алексея. Епископ Владимирский и Суздальский Никон (Софийский) учел, что Покровская церковь, что в селе Голышево, находится примерно в 10 километрах от деревни Лаптиха, поэтому архиерей дозволил начать строительство.

Храм возводился на деньги состоятельного крестьянина Седова. Мой родственник Иосиф Беневоленский возглавил строительный комитет по возведению храма. С самого начала крестьянами было задумано строительство не просто храма, а церкви-школы, чтобы в ней крестьянские дети могли получать и начальное образование.

30 ноября 1908 года был освящен один из первых в России храм в честь преподобного Серафима Саровского, а священник отец Иосиф Беневоленский служил в облачении, подаренном в лаптихинский храм великой княгиней Елизаветой Федоровной, сестрой императрицы, которая в 1918 году была убита большевиками и в 1992 году была причислена к лику святых.

7 июня 1910 года в деревне Лаптиха было освящено новое здание церковно-приходской школы, выстроенное при Серафимовской церкви. Заведующим и преподавателем Закона Божия в Лаптихинской школе стал Иосиф Беневоленский, мой предок. Также в честь цесаревича Алексея после прошения к царю деревня Лаптиха была переименована в «село Алексеевское».

А в 1913 году Иосиф Семёнович со своей женой Марией Ивановной и четырьмя детьми направляются на постоянное местожительство в город Адлер, так как матушка Мария, будучи ещё молодой женщиной, заболевает чахоткой, и врачи предписывают сменить климат.

К сожалению, через год после переезда случается огромное несчастье в семье. В один из жарких летних дней вся семья, в которой были старшая дочь Евгения, два брата погодков Геннадий и Александр и самая маленькая Нюрочка, направилась к морю. Два брата начали плескаться в море и не обратили внимания, как казалось сначала, на небольшой шторм, но братья не заметили, как зашли глубоко в море и начали тонуть. Их отец Иосиф Семёнович бросился на помощь сыновьям, но вытолкнув их на берег, сам не смог выбраться – не хватило сил. Его жена Мария Ивановна осталась одна с четырьмя детьми в чужом городе Адлере.

От пережитого потрясения болезнь усугубилась, и не прошло и года, как матушка Мария Ивановна умерла, оставив детей сиротами, старшей дочери Евгении в то время было 13 лет, и в это же время прогремела Октябрьская революция 1917 года.

Начинался период гонений на Святую церковь, священнослужителей и их семьи. Маленькие дети остались в это

страшное для них время одни в чужом городе, будучи детьми священника.

Брат Иосифа Семёновича Александр Беневоленский окончил Владимирское духовное училище в 1896 году и был определён псаломщиком в погост Меркутино Вязниковского уезда в церковь Иоанна Богослова.

Вот что говорится о строительстве храма в старинных актах «Приложение к описанию села Меркутино»: «В деревне Меркутино Ярополческой волости, по указу Государя Петра Алексеевича был построен храм во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова (1699 год 8 мая, ст. стиль)».

К 1917 году в семье Александра Беневоленского была жена, три сына и все проживали в небольшом деревянном домике у храма во имя Иоанна Богослова в Меркутино.

Узнав о том, что его племянники остались одни в чужом городе, Александр ни минуты не раздумывая поехал в Адлер забирать детей на воспитание в свой дом. И через несколько месяцев в маленьком домике в семье псаломщика Александра Беневоленского уже было семеро детей. Стояли страшные времена, церкви разрушались, священнослужители становились изгоями общества, но Александр Беневоленский принимает всё как Божью волю.

Вскоре самую маленькую приемную дочь Нюрочку удочерил двоюродный брат Иосифа и Александра Беневоленских – Александр Неуструев, который, к сожалению, не имел своих детей.

Старшую приемную дочь Евгению – мою прапрабабушку через три года в 1920 году взял в жены директор Меркутинской школы Дмитриев Иван Федотович.

Александр Беневоленский двум приёмным сыновьям, как и своим родным, дал достойное образование, и впоследствии оба выбрали профессию учителя.

И, конечно, мне хочется рассказать о третьем брате Леониде Беневоленском – иеромонахе Левкие. Об этом брате семьи Беневоленских мы знаем очень мало, основные сведения мы узнали от моей прабабушки. Она рассказывала, что, будучи совсем маленькой девочкой, помнит, что к ним в дом

приезжал священник в длинной черной рясе и всегда привозил гостинцы.

Из рассказов прабабушки мы знали, что это был брат её дедушки Иосифа, что служил он в Гороховецком монастыре и за то, что он не отказался от веры в Бога, был арестован и сослан на Север. К сожалению, мы не знали даже мирского имени иеромонаха Левкия.

И совсем недавно, несколько лет назад, нам позвонили из краеведческого музея Вязниковского района и спросили, как звали нашего родственника в миру, потому что в свет вышла книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области «Боль и память» и в ней говорится о Беневоленском Леониде Фёдоровиче.

В книге памяти говорилось: «БЕНЕВОЛЕНСКИЙ Леонид Фёдорович, родился в 1864 в селе Золино Гороховецкого района. Проживал там же. Священник. Арестован 14.09.1929. Осужден на 5 лет лишения свободы».

Мы поняли, что это наш родственник, потому что всё, что мы знали о иеромонахе Левкие, подходило под указанные в книге памяти сведения, но дальнейшая судьба нам неизвестна, опять из рассказов моей прабабушки мы знаем, что Левкий умер в исправительно-трудовом лагере, куда был сослан.

В завершении своего рассказа хочу сказать, что я рада, что сейчас есть возможность рассказать об этих людях, потому что долгое время даже между близкими родственниками не было разговоров о родстве со священнослужителями, моя прапрабабушка, та самая Евгения – старшая дочь Иосифа, долгие годы жила в страхе, что за ней приедут и арестуют как дочь священника. У неё долгое время рядом с кроватью стояла небольшая сумочка со всеми документами, но она всё равно сберегла фотографии своих родных.

Братья Иосиф, Александр, Левкий совершили благие дела, а сейчас большое количество их внуков, правнуков в разных городах страны дарят свою любовь и помощь совершенно чужим людям, потому что практически все наши многочисленные родственники выбрали профессии врача и учителя.

В результате своего исследования я узнала также информацию, что по женской линии нашими родственниками были известные по всей России люди – Неуструев Семён Петрович, который подготовил к печати первый атлас лоций Волги, составил «Практическую карту Волги» и «Курс речной практики».

И его сын Сергей Семёнович Неуструев – ученый почвовед с мировым именем, который возглавил первую в России кафедру географии почв в Университете в Петрограде, ввел термин "серозем", автор более 80 классических трудов по географии почв.

В результате своего исследования я сделала вывод, что, если подходить к процессу поиска с душой и любознательностью, генеалогия человека или родословие семьи окажется увлекательнейшим занятием, зачастую раскрывающим завораживающие события с неожиданными поворотами судеб.

Зная свою родословную, вы твердо стоите на ногах, из глубины веков получая поддержку своих предков.

В итоге я достигла поставленной цели и составила не только генеалогическое древо моей семьи, но целую книгу, которую отправила всем нашим родственникам. К сожалению, у меня осталась не раскрытой история рождения Марии Ивановны Успенской, жены Иосифа Семёновича. Нам не помог архив, так как мы не знали место её рождения, единственная информация о ней – это год рождения, указанный на обороте фотографии. Но в жизни случаются неожиданности. Мои родственники, зная, что я увлекаюсь историей и краеведением, подарили мне книгу «Неизвестные Вязники. О чём писали газеты, но не расскажут экскурсии».

Я начала читать книгу, которая состоит из статей местных газет и увидела фамилию Успенский Димитрий Иванович, который был протоиереем православного прихода в Гонконге. Он был уроженцем города Вязники, это город, с которым связана история моей семьи, но самое главное, фамилия и отчество совпадали с девичьей фамилией и отчеством мой прапрапрабабушки, и даже год рождения одинаковый – 1886-й.

На некоторое время я отложила свои поиски потому, что не знала, каким образом можно найти родственные связи. Прошло некоторое время, и я решила просмотреть список выпускников Владимирской семинарии курса, где учился Успенский Дмитрий Иванович, и была очень удивлена, что рядом с Успенским Дмитрием Ивановичем выпускником числился Успенский Василий Иванович, который по окончании духовной семинарии, как написано в выписке, поступил в действующую армию.

В семейных архивах у нас была фотография брата Марии Ивановны, которого звали Василий и, судя по форме на фотографии, он был военным.

Помимо сведений о самом выпускнике Василии, были указаны данные его отца, что он является священнослужителем села Петраково Муромского уезда. Также от родственников мы слышали, что, возможно, корни Марии Ивановны находятся где-то в Муроме. И эти совпадения направили меня на дальнейшее исследование. В Интернете я нашла страницу о селе Петраково где было сказано о церкви и попе Иоанне, а также о Петраковском церковно-приходском училище, которое помещается в доме священника Успенского. Законоучитель и учитель священник Иоанн Успенский, окончивший курс во Владимирской духовной семинарии, преподает с января 1883 г.

Мне осталось подтвердить, что у него действительно была дочь Мария. Я вновь обратилась в Государственный Владимирский архив с просьбой прислать клировую ведомость священнослужителя Успенского Иоанна. После получения копии послужного списка Успенского Иоанна Алексеича мы действительно увидели, что у него была дочь Мария – моя прапрабабушка.

В результате своего исследования я не только нашла всех своих предков до седьмого поколения, но и открыла историю нашей семьи. Я горжусь своими родственниками, которые ни при каких обстоятельствах не теряли своего достоинства, были верны нравственным законам и своей Родине.

Это была история моей семьи по линии прапрабабушки Дмитриевой Евгении Иосифовны, но история моего прапра-

дедушки Дмитриева Ивана Федотовича не менее интересна и его вклад, как директора и учителя сельской школы, не менее важен для истории страны.

Список использованной литературы:

Книги:

Ред.-сост. Ратников А.А. Неизвестные Вязники. О чём писали газеты, но не расскажут на экскурсиях, 2016, 511с.

Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов, П. Рачков, В. Чухов «БОЛЬ И ПАМЯТЬ».

Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области», 2001.

Списки выпускников Владимирской духовной семинарии

Личные беседы и переписка:

с местным краеведом Каримовой Т.Н.,

с краеведом-председателем правления Вязниковской ассоциации жертв политических репрессий Васищевым Ю.А.,

с директором историко-краеведческого музея Ковровского района к.и.н. Фроловой Э.В.

Материалы Государственного архива Владимирской области:

копия клировой ведомости И.С. Беневоленского

копия клировой ведомости И.А. Успенского

Электронные ресурсы:

Википедия. Свободная энциклопедия:

<https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Директория статей: www.microarticles.ru.

Мастерская Елены Дмитриевой: <http://artdmित्रиеva.ru>.

Мое семейное древо: <http://pomnirod.ru>.

Студопедия //Архивные источники: <http://studopedia.ru/>

Историко-краеведческий музей Ковровского района// Из истории села из истории села Гольшево: <http://kraeved-museum.ru>

Сайт «Петербургский генеалогический портал»: www.petergen.com

«Присоединены к православию...» Кнут и пряник.

*Ушаков Владимир Николаевич,
г. Вязники*

Реформой 1650-х годов патриарха Никона и государя Алексея Михайловича были проведены изменения в богослужебных книгах и текстах Священного Писания, изменилась техническая сторона обрядов: порядок крестного хода, сложение перстов для крестного знамения и т.д. Процесс, названный в истории церковным Расколом, затронул все слои населения России, разделив общество на два лагеря: приверженцев старой веры и новых порядков. Зародилось вековое трагическое противостояние, окрашенное цветами крови и огня.

Протестные выступления против новой веры и насильственного обращения в неё вспыхивали повсеместно. Масла в огонь подлил Пётр I, популяризовав табакокурение, бритьё бород и прочие чуждые старорусским порядкам обычаи. Случаи самосожжений во времена Алексея Михайловича и Петра I были массовыми. Вплоть до XIX века приверженцы старой веры (беспоповцы) нет-нет, да и зарывались заживо в так называемых минах целыми семьями и селениями. Даже после того, как Павел I последовательно издал два манифеста о свободе вероисповедания в Польше и о дозволении возведения старообрядческих храмов в Российской Империи, чем заслужил особое почитание среди староверов, которые до сих пор почитают его своим государем. Более того, в 1800 году было утверждено положение о единоверии, давшего, казалось, свободы несломленным последователям протопопа Аввакума.

Единоверие (оно же православное старообрядчество) – направление, при котором с сохранением всех присущих староверам богослужебных форм, признавалось главенство Московского Патриархата. Если проще: служба по старопечатным книгам и, например, двоеперстие, дозволялись но... под контролем патриарха Московского. Пряник, без сомнения, пришедший на смену кнуту.

Прямое физическое давление на старообрядчество решило в русле агитационных полемик.

Представителям других религиозных конфессий (начиная от католицизма, заканчивая буддизмом) также были выказаны всяческие знаки терпимости. Самыми гибкими оказались лютеране, спокойно принимавшие православие. Популяризации православия в римско-католических и лютеранских кругах способствовали регулярные замужества представительниц западной аристократии, становившихся российскими императрицами и великими княжнами.

В составе Министерства внутренних дел даже существовало ведомство, отвечающее за деятельность представителей духовенства иных религий. Был и Устав духовных дел иностранных исповеданий. Развивались иноверческие учебные заведения, строились храмы и жаловались награды духовным лицам. Но всё под контролем государства. Ни шага в сторону!

Окончательной точкой в примирении с неправославными религиями поставил Николай II указом 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Теперь можно было свободно переходить из религии в религию, не опасаясь осуждающе тыкающего в грудь официального перста, отменялись всевозможные запреты и ограничения и в первую очередь в больном для России вопросе противостояния древнего и нового обрядов. Религия перестала быть преградой для продвижения по службе и поводом для ущемления. Все равны!

Но вот какая штука... Скажем, черта постоянной еврейской оседлости официально отменена в 1917 году. До этого времени иудеям, за некоторым исключением, запрещено было «распространяться» по империи. Одним из примеров зоркого наблюдения за иноверцами являются справочные издания, где регулярно указывалась принадлежность чиновника или ремесленника к той или иной национальности и религии. Скажем, в «Российском медицинском списке» даже десять лет спустя после указа Николая II, имевшие деятельность в городах (в том числе и владимирских) аптекари показывались с упоминанием их национальной и религиозной

принадлежности. Гороховцу в этом отношении «повезло»: в последнее десятилетие Российской империи здесь трудились Константин Попов и Александр Вялов. Но даже против их фамилий стояло: «русский, православного исповедания». В Вязниках, Муроме, Владимире, Иваново-Вознесенске аптекарями были поляки, белорусы, евреи римско-католического, лютеранского, иудейского исповеданий. То ли обывателю давали понять, что вокруг представители иных конфессий, то ли самим представителям напоминали об их месте в православном обществе...

Как уже сказано, ещё Павлом Петровичем был дан полный ход единоверию. В нашей губернии в середине XIX века стали появляться единоверческие храмы, находящиеся в ведении Владимирской духовной консистории, где служили выпускники духовных семинарий и местной в первую очередь. Наверняка большинство семинаристов, попавших позднее в единоверческие храмы, даже и не подозревало, что придётся вести службы по старообрядческим книгам, осеняя себя и паству двумя перстами.

Храм села Семеновка

В пяти деревнях Гороховецкого уезда открыты единоверческие приходы: Польцо, Микляево, Семёновка, Тараново, Новые Поташы. Положение единоверия ярко показывает публикация «Владимирских епархиальных ведомостей» в 1905 году, описывающая посещение храма села Семёновка епископом

Никоном (Софийским). В июне месяце он прибыл в село, где совершил литию по старому обряду, а в поучении к прихожанам «объяснил сущность единоверия по отношению к господствующему православию». К господствующему!

Ещё один приход – старообрядческий – существовал с конца XIX столетия и существует по сию пору в деревне Ры-

тово, находившейся в приходе гороховецкого села Сергиевы Горы. По данным конца XIX века в сергиевогорском приходе более половины жителей относилась к старообрядцам, потому не вызывает удивление образование паствой самостоятельного религиозного сообщества. Вслед за моленным домом здесь построена церковь, сгоревшая в 2021 году. Рытовский старообрядческий приход – яркий пример несгибаемости приверженцев старой веры перед господствующим православием.

Во Владимире существовали лютеранская и римско-католическая общины, духовенство которых окормляло паству по всей губернии. Во второй половине XIX столетия в губернском центре появились кирха и костёл. Первая на Дворянской улице была уничтожена в советские годы, костёл же в наши дни является украшением Владимира и действующим храмом.

На фоне всех притеснений государства старообрядцы вели торговые дела и были первоклассными купцами с высочайшим кредитом доверия среди соратников по цеху из среды православных. Иудеи, лютеране и католики прекрасно врачевали, вели аптечные дела, занимали государственные посты разных уровней. Приверженцы буддизма и ислама были отличными военными.

Сладкий пряник и сюсюканье государства со старообрядчеством и неправославием было украшено яркими цветастыми лентами и густо смазано елеем. Официально, с фасада.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Но скрытая борьба не прекращалась ни на мгновение. В дело распространения православия, целью коего было, есть и будет превосходство над прочими верованиями, были брошены все имеющиеся у Синода силы. В первых рядах – члены Православного миссионерского общества со своим отделением во Владимирской епархии. Также публичными чтениями литературы и проповедничеством занималось владимирское Братство имени св. Александра Невского.

Были введены должности епархиальных миссионеров. Так «противосектантским» миссионером в начале XX столе-

тия состоял священник Григорий Орфеев, некогда служивший в Меленковском уезде. С 1903 года «противостарообрядческим» миссионером состоял бывший священник села Пестяки Александр Акципетров. Оба – члены Братства св. А. Невского, оба разъезжали по епархии с проповедями, организовывали различные публичные чтения и миссионерские курсы. На закате империи миссионерами были священники Никанор Арбузов и Михаил Вальков.

В 1880-е в Вязниковском и Гороховецком уездах, по приглашению Братства Александра Невского, проповедовал нижегородский крестьянин Павел Полуэктов, «знакомый с духом и суемудрием раскола и искусный обличитель его». За вознаграждение в 200 рублей в год. Кроме того, за единичные денежные вознаграждения приглашались миряне из других губерний для разовых выступлений.

Яркий пример противодействия старой вере, идущего вразрез с указом Николая II о веротерпимости, показал архиепископ Николай (Налимов), запретивший в храмах епархии монархическую атрибутику Союза русского народа: Уставом этой правой организации членами её разрешалось состоять старообрядцам.

На местах же проповедническая работа велась приходскими священниками: с амвонов говорились проповеди и речи, споры и увещевания – у околиц, на завалинках, в домах. Тоннами издавалась литература, обличающая старообрядчество, печатались статьи о духовных победах в каждой такой беседе с приверженцами старой веры. Проповеди читались и верующим прочих христианских религий, в ходе которых удавалось отбить овцу от одного Христова стада к другому Христову же стаду. «Обрабатывались» магометане, иудеи.

Начиная с конца XIX столетия в губернских «Епархиальных ведомостях» вместе с отчётами об успехах миссионерской и проповеднической деятельности стали появляться сообщения о состоявшихся присоединениях к православию из других религий.

ПАСТЫРИ

По публикациям во «Владимирских епархиальных ведомостях» можно представить масштаб перехода от старой веры к никоновой и обращений из других религий к православию. Ежегодно в Гороховецком уезде таких набиралось до нескольких десятков человек.

Назову самых неутомимых уездных проповедников, силой слова убеждавших к принятию православия.

Дмитрий Львович Кантов, с 1874 года служивший в Вознесенском погосте. Имел благодарности совета Братства св. Александра Невского за противораскольническую деятельность, «за частые и публичные беседы с раскольниками и обращение их в православие». В 1892-м ему преподана благодарность архиепископа за обращение из раскола 16 лиц. Считался одним из первей-

ших пастырей уезда, «которые усердно занимаются изучением раскола и борьбой с ним». Умер в 1913 году, погребён при храме погоста Вознесенского. В 1917 году его сын **Фёдор**, будучи священником в том же Вознесенском погосте приобщил к православию сектанта-баптиста из деревни малые Лужки.

В селе Красное с 1891 года состоял священником **Иван Ефимович Афонский**, в 1905 году перемещён в Суздаль. За время служения в Красном, достаивался благословений его высокопреосвященства за проповеднические труды, награждён набедренником и скуфьей, состоял казначеем Гороховецкого отделения епархиального училищного совета, Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Муромского духовного училища.

Одним из виднейших проповедников епархии был **Александр Алексеевич Акципетров**, из священников села Пестяки, поставленный противораскольническим епархиальным миссионером и священником Успенского кафедр-

рального собора, откуда в 1913-м определён миссионером в Санкт-Петербургскую епархию, но вскоре перемещённый обратно во Владимир.

Из помощников епархиального миссионера в 1910 году священником единоверческого прихода в селе Польцо определён **Ефрем Пайков**, обращавший в православие на правах единоверия. В 1915 он перемещён в Судогодский уезд.

Леонтий Александрович Троицкий с 1893 по 1909 годы был священником в погосте Бережцы. Он также удостоивался благословений архипастыря и Святейшего Синода, не единожды поодиночке и целыми семьями обращал старообрядцев к новой вере. Он умер в селе Малахово Владимирского уезда, менее чем через год после перевода туда.

Более 50 лет отдал служению Церкви священник погоста Раменье **Фёдор Осипович Беневоленский**, в 1913 году сопричисленный к ордену св. Владимира IV степени, также неутомимо проповедовавший в среде старообрядцев. Благодарностей за проповеднические труды от его высокопреосвященства и Епархиального комитета по рассмотрению проповедей удостоивался священник села Свято **Александр Викторович Беневоленский**.

Николай Ефимович Алякринский начал свою

службу в ноябре 1909 года в погосте Бережцы. В последующие годы он неоднократно присоединял к православию крестьян из деревень соседней Нижегородской губернии. Уже в советские годы Николай Ефимович служил во многих храмах, в советские годы возведён в сан протоиерея и похоронен в 1946 году у алтаря Всехсвятской церкви г. Гороховца.

В 1906 году из старообрядчества к православию обращена крестьянская дочь девица из деревни Гашкина Фёкла Горшкова. Таинство совершил священник села Купля **Александр Павлович Архангельский**, служивший здесь с 1897 года и уже награждённый

набедренником. Спустя четыре года на увещевания подда-лась сестра Фёклы – Екатерина Горшкова. Впоследствии о. Александр служил в Вязниках, где в 1937 году арестован.

В селе Никулино с 1894 по 1903 годы служил **Алексей Александрович Архангельский**, один из наиболее ретивых и результативных проповедников в среде старообрядцев. Его убеждениями одни староверы отрекались от вековых убеждений сами, другие своих малолетних детей приводили в церковь «господствующего православия». В селе Верхний Ландех таковым пастырем был **Михаил Егорович Добродеев**, в Архангельском погосте – **Михаил Степанович Кохомский**, в Кожино – **Евгений Алексеевич Никольский**.

Материал не призывает к осуждению православия, изменённого реформами патриарха Никона при согласии царя Алексея Михайловича, но показывает отношение к другим религиям и, в первую очередь, к той вере, коей Владимир Святославич крестил Русь, которой остановлены шведы на Неве, ливонские рыцари на Чудском озере, сброшено трёхвековое восточное ярмо, остановлена польская интервенция и прекращена Смута.